

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК СОВЕТСКОЙ ЮСТИЦИИ

№ 49/50

24 декабря 1928 г.

№ 49/50

Проект УПК и постановление Коллегии НКРКИ СССР.

30 ноября Коллегия НКРКИ СССР вынесла постановление по докладу т. Радус-Зеньковича о срединных и высших звеньях судобно-следственных органов и прокуратуры. Намеченные постановлением мероприятия предварительно обсуждались совместно с представителями НКЮ и в большинстве их являются с НКЮ согласованными. В частности, большинство мероприятий в области уголовного процесса нашло отражение в проекте УПК. Однако, ряд предложений в этой области существенно расходится с проектом УПК. Полагая, что эти расхождения должны будут быть подвергнуты обсуждению на предстоящем съезде работников юстиции, мы и считаем полезным изложить сущность если не всех, то, по крайней мере, важнейших из них, чтобы участники съезда могли продумать их при проработке проекта Кодекса.

Основное расхождение содержится в вопросе о порядке предания суду и, следовательно, о сохранении или упразднения распорядительных заседаний. Проект УПК, радикально меняя действующий порядок, передает вопросы прекращения дела и предания суду прокурору и даже следователю, когда он осуществляет надзор за расследованием, а за судом оставляет право разбора этих вопросов только в исключительных случаях — при несогласии суда с постановлением прокурора или следователя о предании суду и при обжаловании постановления прокурора по вопросу о прекращении дела (ст.ст. 63 и 93 проекта). Постановление Коллегии НКРКИ, отказываясь от действующего порядка прекращения дел представлением прокурору (и только ему) права прекращения их без внесения в распорядительное заседание, в вопросе о предании суду действующий порядок сохраняет полностью. Таким образом, Коллегия НКРКИ не пошла по пути, намечавшемуся докладчиком в этом вопросе (см. статью т. Радус-Зеньковича „Судебная система и прокуратура“ в № 30 нашего журнала) и основывавшемуся, главным образом, на том, что отсутствие у прокурора права предания суду и, в силу этого, сознание меньшей его ответственности за произведенное расследование, не обеспечивает должной полноты досудебной подготовки дела.

Но именно в этом отношении принятая Коллегией НКРКИ полумера (предоставление прокурору только права прекращения дела), несомненно, не способна будет дать каких-либо положительных результатов.

Вторым серьезным расхождением должно быть признано расхождение по вопросу о делах частного обвинения. Проект УПК, расширяя по сравнению с действующим законом категорию дел частного обвинения (ст. 3 проекта), сохраняет в ней дела, передаваемые в компетенцию товарищеских судов (ст.ст. 1 ч. 143, 159 и др. УК), поскольку часть этого рода дел даже после повсеместной организации таких судов должна будет остаться в общих судах (например, дело, в котором стороны относятся к разным социальным категориям). Естественно, что проект регла-

ментирует и все процессуальные особенности дел этой категории. Иначе вопрос решается постановлением Коллегии НКРКИ. Указание постановления на то, что дела частного обвинения считаются отошедшими от суда, дает основание для вывода о признании НКРКИ необходимости сокращения нынешней категории дел частного обвинения, ибо, конечно, нельзя допустить предположения об изъятии из общих судов дел о таких, например, преступлениях, как предусмотренные ст.ст. 177, 178 УК.

Совершенно очевидной представляется нам невозможность построения Кодекса в данный момент на основе приведенного выше положения и неправильность сокращения категории дел частного обвинения.

Третье, принципиальнейшее, расхождение имеется в разрешении вопроса о кассационном обжаловании. Проект УПК не допускает обжалования по всем делам, по которым приговором назначены принудительные работы до 1 месяца, штраф до 100 р., общественное порицание или возложение обязанности загладить причиненный вред при определении размера вреда в пределах 100 р. (ст. 151 проекта). Постановление НКРКИ не устанавливает для уголовных дел никаких ограничений в указанном отношении. И так как в этой — то части постановление и делает приведенную выше оговорку об изъятии из судов дел частного обвинения, то, следовательно, имеется основание для вывода, что, по мнению НКРКИ, недопущение кассационного обжалования не может иметь распространения ни на какие дела, кроме входящих в указанную категорию. Здесь Коллегия НКРКИ не только расходится с проектом УПК, но даже возвращается назад по сравнению с действующим законом, по которому (ст. 347 УПК в редакции 7 июня 1928 г.) мы уже в настоящем имеем недопущение обжалования по некоторой категории должностных преступлений.

Иначе чем в проекте разрешается НКРКИ и вопрос о сроках на обжалование приговоров (ст. 158 проекта): устанавливая единый 14-дневный срок для обжалования приговоров всех судов, постановление Коллегии НКРКИ знает одно изъятие из этого правила — в отношении приговоров к высшей мере социальной защиты, сохраняя здесь действующий (72-часовой) срок. Если постановлению и можно отдать предпочтение перед проектом в части установления единого срока, то вряд ли с ним можно согласиться в части сокращения, против общего, срока для приговоров с высшей мерой социальной защиты, тем более, что практически установление этого изъятия лишено всякого значения.

Принципиальное расхождение находим и в вопросе о правах кассационной инстанции на изменение приговора. В отличие от ст. 157 проекта, допускающей изменение приговора как в сторону смягчения, так и в сторону усиления назначенной приговором меры социальной защиты, постановление Коллегии НКРКИ сохраняет действующий порядок, допуская возможность только „смяг-

чения меры социальной защиты в пределах закона при явной несправедливости приговора".

В вопросе о защите между проектом и постановлением Коллегии НКРКИ имеется несколько расхождений. Наиболее существенные из них сводятся, во-первых, к тому, что постановление признает поводом к обязательному допущению защитника участие в деле обвинителя (а не только прокурора или следователя—ст. 88 проекта), во-вторых, требует вынесения судом особого мотивированного постановления о недопущении защиты и обязательного объявления об этом до начала заседания подсудимому.

Не нашло отражения в проекте УПК интересное положение, содержащееся в постановлении Коллегии НКРКИ и заключающееся в предоставлении суду права при новом слушании дела, отложенного без направления к доследованию, не оглашать обвинительного заключения и не передопрашивать свидетелей, показания которых по своей ясности и категоричности не вызывают сомнений. Это новшество, которое бесспорно способно в ряде случаев дать сокращение процесса и притом без всякого ущерба интересов сторон, может быть включено в проект, но, именно, в той осторожной формулировке, которая дана постановлением. Ведь, действительно, если дело отложено без направления к доследованию, т.е. в большинстве случаев, надо полагать, на столь короткий срок, что повторное слушание может пойти в том же составе и производство не утратит непосредственности, то необходимость выполнения уже раз выполненных процессуальных действий, превращающихся в таком случае в ненужную формальность, вряд ли кем будет поддерживаться.

Порядок надзорного производства проектом значительно меняется. В этом отношении проект (ст.ст. 160—165 проекта) согласован с НКРКИ почти полностью, так как между проектом и постановлением имеется единственное расхождение в вопросе о сроке на истребование дела: тогда как проект не ограничивает этого срока ни для каких случаев, постановление Коллегии НКРКИ устанавливает предельный одногодичный срок для оправдательных приговоров.

Далее, в расхождении с проектом по вопросу о порядке возобновления дел по вновь открывшимся обстоятельствам (ст.ст. 173—175 проекта), постановление Коллегии НКРКИ устанавливает два порядка: один, совпадающий с проектом (т.е. через суд по подсудности дела), для дел, возобновляемых по основаниям, указанным в п.п. 1 и 2 ст. 173 проекта, и другой, совпадающий с действующим Кодексом (т.е. только через Верховный Суд) для дел, возобновляемых по всем остальным основаниям. Существование этих двух порядков вряд ли может быть признано целесообразным. Ведь, действительно, трудно объяснить необходимость проведения вопроса о возобновлении дела через Верховный Суд в таком, например, случае, когда с полной очевидностью устанавливается, что преступление совершено не тем, кто осужден по делу и отбывает меру социальной защиты.

Постановление НКРКИ содержит некоторое, по нашему мнению, также невызываемое необходимостью осложнение в порядке передачи дел (ст. 80 проекта). Проект требует обязательного принятия дела судом, в который оно направлено, постановление же Коллегии НКРКИ допускает возможность опротестования в общем порядке определения суда по вопросу о передаче и сопряженную с этим возможность затяжки дела.

Приведенный перечень расхождений между проектом УПК и постановлением Коллегии НКРКИ не исчерпы-

вает, как мы предупреждали вначале, всех расхождений. Но в нем из постановления изложено все, что, по нашему мнению, непременно должно найти отражение в решениях предстоящего съезда.

А. Иодковский

Н. К. Ю. автономных республик нужно сохранить.

Тов. Махмудов в статье „Нужны ли НКЮ автономных республик, входящих в РСФСР“ (№ 29 ЕСЮ), высказывается за их упразднение. Он считает, что они являются излишней административной надстройкой, имеющей декоративную внешность, но объективно служащей тормозом для нормальной деятельности аппарата юстиции АССР.

Тов. Махмудов связывает существование НКЮ автономных республик с законодательными правами последних или, пользуясь его терминологией, с правами их в области „законодательной политики“, под которой он понимает и издание законов, и применение их, и общее руководство судебным аппаратом (повидимому, он имеет в виду судебную политику). Вместе с тем он считает, что объем законодательной работы в автономных республиках не оправдывает существования особых аппаратов—НКЮ и что в области руководства низовым судебным аппаратом последние являются излишним средостением между Главсудом и народными судами. Поэтому он предлагает область законодательной работы передать Отделам Законодательных Предположений при ЦИК'ах АССР, а руководство судами Главсудам.

Тов. Махмудов отговаривается, что ко всем этим выводам он пришел на основании опыта Дагестанской автономной республики, и делает общий вывод о необходимости упразднения НКЮ во всех автономных республиках в предположении, что и у них дело обстоит не лучше, чем в Дагестане.

Тов. Махмудов отмечает, что особые законодательные права правительственных органов автономных республик вытекают из наличия у них национально-бытовых особенностей. Это верно, но лишь наполовину. Т. Махмудов рассматривает вопрос о национальных особенностях применительно к тому наследству, которое автономные республики получили от прошлого с его остатками родового быта, религиозных верований и т. п. Между тем вопрос имеет и вторую сторону: автономные республики имеют законодательные права не только для того, чтобы возможно полнее учесть при разрешении тех или иных вопросов местные национальные особенности и даже не только для того, чтобы возможно безболезненно изжить ненормальные явления в области быта, но главным образом для того, чтобы свободно идти вперед по пути национального развития, и притом не только культурного, но и хозяйственного.

Вопрос об объеме законодательных прав автономных республик не получил вполне точного определения в нашем законодательстве. Конституция РСФСР (ст. 48) говорит о том, что ЦИК'и АССР пользуются правом издания законодательных актов, не уточняя объема их прав. Значительную ясность в этот вопрос внесло постановление Президиума ВЦИК от 26 июня 1928 г. „об условиях вхождения АССР в районированные крайние (областные) объединения, статья 11 коего определяет, что ЦИК'и АССР пользуются правом издания законодательных

актов не только по линии культуры, но и по линии хозяйственных (автономных), но и по линии наркоматов хозяйственных (объединенных). Сопоставляя это указание закона с общей установкой данного декрета, нашедшей себе выражение в его статье 3-й, определяющей, что вхождение автономных республик в краевые объединения должно обеспечить культурно-хозяйственный рост и национальное развитие этих республик, а также с наличием у автономных республик прав по оформлению своего государственного устройства (ст. 44 Конституции РСФСР, ст.ст. 1, 2 и 4 упомянутого выше постановления Президиума ВЦИК), мы должны прийти к выводу, что вопрос о бытовых особенностях далеко не исчерпывает вопроса об объеме законодательных прав автономных республик. При этом мы полагаем, что указания декрета от 26 июня 1928 г. хотя и даны по частному случаю (вхождение АССР в краевые объединения), но имеют общее значение для всех АССР, так как они выявляют основные линии национальной политики Соввласти.

Возьмем для примера такие законодательные акты Правительства АССРНП, как Положение об уполномоченных с/совета по мелким поселениям, Временное Положение о порядке использования земобществами земель, не используемых в порядке наделения (передавшее земдоходы земельных обществ сельсоветам, обеспечив сельский бюджет в 100% сел), Положение об особом лесомелиоративном фонде из неудобных земель (изданное еще до издания общефедеративного закона), Положение, регулирующее порядок административного и культурно-хозяйственного обслуживания поселков, возникающих в порядке землеустройства, Постановление об условиях вхождения АССРНП в Нижне-Волжский край, постановления, касающиеся организационной перестройки Центрального аппарата АССРНП (мы коснемся их подробнее в дальнейшем изложении); во всех этих законодательных актах практика АССРНП ушла вперед от практики РСФСР; однако, они не были обусловлены какими-либо бытовыми особенностями, а просто отражали поступательное движение АССРНП вперед по пути оформления своего государственного устройства, по пути культурного и хозяйственного развития.

- Помимо осуществления своих прав по национальному законодательству, на автономные республики ложится обязанность участия в законодательстве РСФСР. Мы должны отметить, что область законодательной инициативы мест является, если можно так выразиться, беспрецедентной. Правда, за высшими органами местной власти, не только автономных республик, но и административных единиц (краевых объединений, губерний и пр.) закреплено право законодательной инициативы, но оформление ее не возложено на какой-либо специальный аппарат. Положение о Судостроительстве РСФСР не содержит даже в отношении автономных республик указания, казалось бы весьма естественного, о привлечении их аппарата юстиции (НКЮ) к оформлению законодательной инициативы и законодательной деятельности правительственных органов данных АССР. И если в автономных республиках, при наличии НКЮ, эти функции могут быть возлагаемы на последние, то в административных частях РСФСР (краевых объединениях, губерниях и т. п.) и автономных областях они распыляются между юрисконсультскими частями исполкомов, отделами, прокуратурой (проработка проектов обязательных постановлений) и адм.отделами. Мы не считаем такое распыление примером, достойным подражания, и полагаем, что работу по оформлению местного законодательства и законодательной инициативы АССР нужно концентрировать в аппарате

их НКЮ. Это не означает, конечно, что остальные ведомства должны быть освобождены от участия в этой работе: на них во всяком случае должно быть возложено выявление вопросов, требующих урегулирования в законодательном порядке, подготовка и черновая обработка законопроектов.

Отметим, что ведомственные органы, встречаясь с объективными затруднениями в проведении в жизнь тех или иных законов и нащупав таким образом необходимость внесения тех или иных коррективов в законодательство, заботятся обычно только о том, чтобы „выйти из положения“. Вопрос об оформлении своей иногда очень здоровой инициативы в законодательном порядке их специально не занимает. И мы вполне понимаем тот оттенок радостного удивления, с которым тов. Ларин приветствовал в „Правде“ законодательный почин Сталинградского губисполкома (об изменении порядка разбирательства батрацких дел).

У нас в республике Немцев Поволжья деятельность НКЮ по оформлению законодательства и законодательной инициативы ее правительства приняла довольно значительные размеры. Отметим, что эта область работы, как и обслуживание учреждений и организаций АССРНП правовой помощью (дача заключений по отдельным правовым вопросам и проектам уставов и положений о различных организациях, общественных и хозяйственных, отзывов по проектам важнейших циркуляров и т. д.), ведется особой консультационной частью в составе НКЮ, состоящей из двух (до мая 1928 г. из трех) работников. Аппарат, как мы видим, очень небольшой, и если при этом принять во внимание, что централизация работы по законодательству и правовому обслуживанию учреждений в аппарате НКЮ сопровождалась ликвидацией юрисконсультских частей в ЦИК'е и Наркоматах АССРНП, то станет ясным, что и в смысле проведения „режима экономии“ такая постановка является несомненным достижением, не говоря уже об устранении параллелизма в правовой работе. Концентрацией этой работы в аппарате НКЮ достигается и улучшение ее качества, так как консультационная часть, будучи связана, в порядке повседневной работы и живого личного общения, с остальным аппаратом НКЮ, имеет возможность более глубокой проработки правовых вопросов, нежели отдельные разрозненные юрисконсультские части учреждений или хотя бы тот же Отдел Законодательных Предположений ЦИК'а АССР, который предлагает организовать тов. Махмудов. Выполнением этой работы аппаратом НКЮ достигается и еще одно важное обстоятельство: наибольшая увязка с законодательством СССР и РСФСР законодательства данной автономной республики и выправление, в соответствии с законами центрального Правительства, практики учреждений и организаций, обращающихся в НКЮ АССР с запросами о разъяснении действующего законодательства, с проектами уставов и положений и вообще за правовой помощью. Более чем 5-летняя практика проработки постановлений местной власти в аппарате сначала областной, потом республиканской (АССРНП) прокуратуры, затем Отдела Законодательных Предположений и консультационной части НКЮ АССРНП приводит автора настоящей статьи к твердому убеждению, что последующий просмотр постановлений и других актов местной власти не может сравниться по качеству работы с предварительной их проработкой. И если действующие законы могут учитываться более или менее полно и при последующем просмотре, то этого отнюдь нельзя сказать о ведомственных распоряжениях наркоматов СССР

и РСФСР, которые по обилию их требуют большой и кропотливой работы не только по просмотру, но даже по выявлению их.

К вышеперечисленным работам необходимо прибавить выполнение отдельных поручений правительства АССРНП, например, по участию в различных комиссиях, доклады на заседаниях ЦИК'а, СНК'а и Госплана АССРНП и устную консультацию (лично и по телефону), которая специально не учитывалась, но выражается, примерно, в количестве 200—300 в год.

Обращаются в НКЮ АССРНП за правовой помощью как центральные, так и низовые органы АССРНП, до сельсоветов включительно, при чем она оказывается не только учреждениям, но и предприятиям и организациям общественным, кооперативным и хозяйственным.

Из проектов местных законов, разработанных НКЮ АССРНП, надлежит особо отметить Положение об уполномоченных сельсовета по мелким поселениям, подробно регламентировавшее их права и обязанности и встреченное с большим удовлетворением низовыми органами власти (одновременно с утверждением внесено правительством АССРНП в порядке законодательной инициативы во ВЦИК), положение об опеке над несовершеннолетними членами крестьянских дворов, „о застройке земельных участков в городах“, „об изменении порядка издания обязательных постановлений“. Последний законопроект, горячо и единодушно поддержанный низовыми органами власти (кантисполкомами и горсоветами) и участковой прокуратурой, предусматривал коренное изменение принятого в АССРНП порядка фактической концентрации дела издания обязательных постановлений в руках правительства АССРНП и придание обязательным постановлениям последнего характера директивных по преимуществу актов.

Указанные выше проекты были утверждены правительством АССРНП (проект закона о застройке находится на согласовании в НКВД АССРНП).

Большая работа проделана аппаратом НКЮ АССРНП в 1927/28 г. по оформлению государственного устройства АССРНП в связи с вхождением АССРНП в Нижне-Волжский край. Правительству АССРНП были представлены, после обработки ведомственных материалов, две докладные записки с предложениями о построении системы взаимоотношений с краевыми органами, в частности по промышленности, сельскому хозяйству, финансам, по системам объединенных и необъединенных наркоматов.

Отметим попутно, что работа по оформлению государственного устройства АССРНП и в предшествовавшие годы выполнялась в основном аппаратом НКЮ АССРНП. Им были разработаны проекты: Конституция АССРНП, Положения о ЦИК'е и СНК'оме и Госплане АССРНП, Типовые своды норм общего характера для Положений о наркоматах АССРНП, объединенных и необъединенных, в коих была дана система построения Положений и общие принципиальные положения, в частности о взаимоотношениях с наркоматами РСФСР, проект Положения о НКЮ АССРНП и др.

В тех случаях, когда вопросы, требующие урегулирования законодательным путем, выявлялись в практике самого НКЮ АССРНП, — они и разрабатывались его аппаратом, с учетом, конечно, отзывов заинтересованных ведомств и организаций. Разработке „Положения об уполномоченных сельсовета по мелким поселениям“ предшествовало обследование на местах, произведенное совместно старшим консультантом НКЮ АССРНП и инструктором орготдела ЦИК'а АССРНП.

В качестве методов работы НКЮ АССРНП отметим также рассылку важнейших законопроектов на отзыв мест (по бытовым вопросам до сходов включительно) и непосредственную переработку (в необходимых случаях и при наличии материала из практики самого НКЮ) законопроектов, представляемых другими ведомствами, неудовлетворительных по форме или содержанию. Последний метод вполне оправдал себя, так как практика показала, что простой отзыв с указанием недочетов в тех случаях, когда ведомство не располагает сильным аппаратом, нередко порождает длительную переписку и задержку в прохождении проектов.

Из более или менее существенных проектов изменений общефедеративного законодательства, разработанных НКЮ АССРНП, отметим цикл законопроектов, оформляющих правовое положение, хозяйственную базу и взаимоотношения сельсоветов и земельных обществ, о правах кантисполкомов (находятся отчасти на рассмотрении Президиума ВЦИК'а, отчасти в проработке наркоматов РСФСР), о передаче КОВ неосновательного обогащения сторон по сделкам, заключаемым трудовыми земледельцами (утвержден правительством РСФСР), о порядке привлечения к исполнению обязанностей и оплате труда членов ревизионных комиссий вол(рай)исполкомов (также утвержден правительством РСФСР) об изменении порядка взыскания землеустроительной задолженности по системе сельскохозяйственного кредита (послужил поводом к урегулированию ряда неясностей в законе), о наследовании в имуществе крестьянского двора, о наследовании после несовершеннолетних (находится в окончательной обработке в связи с получением отзывов с мест) и т. д.; имеющий весьма существенное значение проект закона об опытных сельсоветах движения в центре не получил, так как оказалось, что аналогичный по мысли проект разработан орготделом ВЦИК'а.

Мы останавливаемся сравнительно подробно на работе консультационной части НКЮ АССРНП для того, чтобы дать более полное представление о характере работы НКЮ автономных республик по законодательству и правовому обслуживанию учреждений и организаций АССР, так как обобщение тов. Махмудовым практики всех НКЮ автономных республик на примере одного Дагестана может привести читателей „ЕЮ“ к совершенно ошибочным выводам.

Мы полагаем, что вышеприведенные данные дают право сказать, что НКЮ АССРНП в области работы по законодательству и правовому обслуживанию учреждений является живым органом советского строительства и органом активной борьбы на фронте революционной законности, а отнюдь не какой-то декоративной надстройкой или административным средоточием, каким хочет изобразить все НКЮ АССРНП т. Махмудов.

Мы не берем на себя смелости сделать подобно т. Махмудову обобщающий вывод на примере НКЮ Республики Немцев Поволжья. Может быть, ее практика ушла вперед от среднего уровня, может быть, отстала, может быть, она является типичной, но во всяком случае можно сказать, что автономные республики должны равняться не по отставшим собратиям, а по ушедшим вперед.

Отметим, что концентрация работы по законодательству и правовому обслуживанию учреждений АССРНП в одном органе (НКЮ) была произведена в порядке рационализации ее центрального аппарата. Принцип концентрации обслуживания, проявившись первоначально в упразднении отдельных обслуживающих (карцеларских) ячеек внутри отдельных учреждений АССРНП (переход на функциональную систему), нашел логическое заверше-

ние в концентрации обслуживания целых комплексов учреждений в специальных аппаратах. Такими аппаратами, помимо НКЮ (и конечно—НК РКИ), в АССРНП являются: особый финсчетный отдел наркоматов АССРНП при НКФ АССРНП, объединивший все финсчетные части центральных учреждений АССРНП, и отдел Госфинконтроля АССРНП, объединивший ревизионное обслуживание хозорганизаций (с упразднением их ревкомиссий); дальнейшими этапами в этом направлении намечаются централизация транспорта, рассылки местной почты и хозяйственного обслуживания всех центральных учреждений АССРНП.

Предлагаемая т. Махмуловым ликвидация НКЮ АССР неизбежно повела бы за собой и ряд организационных неурядиц. Отдел законодательных предположений он предлагает иметь непосредственно при ЦИК'ах АССР, передав последним и непосредственное руководство Главсудами АССР в области бытовой национальной политики, т.е. проведение через судебный аппарат соответствующих норм и директив правительства данной АССР. Таким образом, направление и увязка работы судебной и законодательной должна по мысли тов. Махмудова осуществляться ЦИК'ами АССР, минуя их СНК. Между тем учет национально-бытовых особенностей и тенденций культурного и хозяйственного развития требует как раз теснейшего контакта и объединения работы с теми органами, которые выявляют их в своей повседневной практике—с наркоматами АССР, объединяемыми и направляемыми СНК АССР. Если же допустить, что т. Махмудов просто не точно выразился, то придется заключить, что руководителей Главсуда и Отдела Зак. Предположений нужно будет по ликвидации НКЮ АССР ввести в состав СНК АССР. Будет ли это упрощением аппарата?

Место прокурора АССР в системе правительственного аппарата АССР т. Махмудов определенно не указывает. Имея в виду, что прокуратура АССР выполняет, помимо общих для прокуратуры функций, еще и специальную функцию по надзору за проведением в жизнь по судебной и административной линии законов данной АССР и таким образом является частью ее правительственного аппарата, прокурора АССР также придется или втиснуть в промежуток между ЦИК'ом и СНК АССР или ввести в состав последнего. Возложение на ЦИК или хотя бы СНК АССР задачи непосредственного объединения работы отдельных частей единого по целям аппарата юстиции, столь же мало оправдывает себя, как, например, непосредственное объединение правительством АССР (с упразднением НКЗема АССР) управлений сельского хозяйства, землеустройства, мелиорации), лесного или частей других наркоматов. Это было бы задачей сложной и технически очень трудной. Два неудачных опыта в этом направлении мы имеем—упразднение НКЮ и НКВД. Не нужно умножать их количество.

Мы отдаем должную дань благим намерениям т. Махмудова в отношении рационализации аппарата автономных республик, но полагаем, что реализация его предложений привела бы как раз к обратным результатам.

Ликвидация прав НКЮ АССР в области судебного управления, предлагаемая тов. Махмудовым, нецелесообразна не только в виду усложнения правительственного аппарата АССР, но и по существу.

Прежде всего несколько слов о значении этой функции для автономных республик. Осуществление ее означает для них возможность приспособления судебного аппарата к национально-бытовым особенностям и к общему ходу национального развития данных республик, культурного и хозяйственного. Спрашивается, будет ли это приспособ-

ление более полным тогда, когда руководящий им в лице Главсуда аппарат будет иметь материал только по судебной линии, или тогда, когда он, в лице НКЮ, имеет также материал и по линии прокуратуры и консультационной части, связанных в порядке надзора и консультации со всем административным аппаратом АССР и, следовательно, имеющим возможность учесть те особенности, которые выявились в работе последнего.

Неосновательно утверждение т. Махмудова о том, что НКЮ АССР руководят судами с голыми цифровыми отчетами и редко с актами ревизий. По крайней мере, у нас, в республике Немцев Поволжья, ревизия низового аппарата со стороны инструкторско-ревизионной части НКЮ является постоянным методом работы. Правда, незначительность штата не позволяла развернуть ревизионную работу в желательном масштабе (из двух инструкторов один занят организационно-инструкторской работой и один ревизионной), но все же за 1927/28 год было обрешено 15 единиц (44%).

Далее т. Махмудов упускает из виду одно весьма существенное обстоятельство. НКЮ АССР должны, согласно „Положения о Судеустройстве“ (ст. 147), осуществлять функцию судебного управления не только в отношении низового аппарата, но и в отношении самих Главных Судов АССР. Руководство последним требует знания судебного аппарата и знакомства с судебной практикой. Поэтому ЦИК'и АССР, не имея специального аппарата, не смогут осуществлять его в необходимой мере. У нас, в Республике Немцев Поволжья, НКЮ уже подошел к охвату этой функции. Инструкторско-ревизионным аппаратом НКЮ было произведено обследование работы Главсуда по проведению дел, связанных с хлебозаготовками, в целях проверки правильности его линии, и в настоящее время приступлено к обследованию работы выездных сессий Главсуда по уголовному отделу, с целью проверки правильности карательной политики и правильности постановки их работы.

Считая необходимым сохранение за аппаратом НКЮ АССР руководства в вопросах судебного управления, мы не хотим сказать, что отстранение Главсудов АССР от выполнения этой функции нужно признать нормальным явлением. Правда, при надлежащем подборе инструкторского кадра (из работников, имеющих опыт судебной работы) при тесном контакте с Главсудом, при реализации актов ревизий по заслушании на пленумах Главсуда, при согласовании с последним указаний, даваемых по периферии, связанных с судебной практикой, может быть обеспечено удовлетворительное руководство низовым судоправом. Именно такое положение вещей мы имеем в Республике Немцев Поволжья. Однако, „лучшее есть враг хорошего“, и метод увязок и согласований никогда не может заменить организационного единства. Это соображение может быть отнесено как ко всем отраслям работы аппарата юстиции (суд, прокуратура, законодательство), взятого в целом, так и к той его отрасли, которая заключается в руководстве судебным аппаратом. Между тем мы имеем в автономных республиках два аппарата (НКЮ и Главсуд), из которых каждый непосредственно руководит низовым аппаратом. И если Главсуд АССР не может осуществлять функции судебного управления, как аппарат, не зависящий от остальной системы юстиции данной республики, то он может и должен осуществлять ее под руководством НКЮ данной АССР, являясь в этой области частью аппарата последнего. Управление через Главсуд, а не помимо Главсуда—вот в чем должно заключаться изменение существующего порядка. Организационно оно должно выразиться в пере-

даче непосредственного осуществления функций судебного управления Председателю Главсуда АССР, как заместителю Наркома Юстиции по судебной линии. Такое положение вещей вполне соответствовало бы и той мысли о единстве аппарата юстиции, которая вызвала организационную перестройку центрального аппарата юстиции РСФСР (возглавление всего аппарата Наркомом Юстиции РСФСР с двумя заместителями — Прокурором РСФСР и Председателем Верховного суда РСФСР). Комбинированное использование инструкторов НКЮ и членов Главсуда при обследовании низового аппарата также должно дать больший эффект, чем при использовании их по отдельности.

У нас, в Республике Немцев Поволжья, этот вопрос уже поставлен в порядок дня. Пока он находится в стадии обсуждения. Основным затруднением является вопрос о подчинении инструкторско-ревизионного аппарата НКЮ председателю Главсуда, так как в этом случае получается, что этот аппарат, ревизуя Главсуд, должен будет по существу ревизовать и председателя Главсуда, как лицо, последний возглавляющее.

Мы не думаем, что данное затруднение может иметь решающее значение при разрешении данного вопроса, так как оно имеет больше формальный характер, а положительное значение передачи непосредственного руководства низовым судебным аппаратом председателям Главсудов АССР настолько очевидно, что выбор представляется вполне ясным.

Мы полагаем, что данное затруднение может быть устранено следующим образом: инструкторско-ревизионный аппарат НКЮ АССР в области обслуживания низового аппарата руководятся председателем Главсуда, как заместителем НКЮ; назначение и отзыв их производится НКЮ; обследования аппарата самого Главсуда производятся по плану, утвержденному НКЮ, с участием прокуратуры и по возможности НКЮ РКИ данной АССР.

Увязка работы отдельных частей аппарата юстиции АССР (суд, прокуратура, консультационная часть) должна производиться в Коллегии НКЮ, в состав которой должны войти заместители наркома по судебной и прокурорской линии и руководитель консультационной части.

Резюмируем кратко изложенное: мысль о ликвидации НКЮ автономных республик порождена отчасти непониманием их задач в области национального строительства автономных республик, отчасти недостаточно четким определением в законе их функций (в особенности в области законодательной работы), а отчасти организационными недостатками их аппарата. Иногда эти моменты осложняются нежеланием усвоить идею единства аппарата юстиции или попытками подменить организационное его единство совещаниями, соглашениями, увязками и т. п. вспомогательными по природе методами. Недостатки в работе НКЮ автономных республик следует устранить, но сделать это нужно мерами организационного порядка, а отнюдь не их ликвидацией.

Член Коллегии НКЮ Авт. Соц. Сов. Республики

Немцев Поволжья *М. Еремеев*

г. Покровск, АССРНП.

Акционерная форма в условиях хозяйственной деятельности.

17 августа 1927 г. ЦИК СССР утвердил положение об акционерных обществах (Собр. Зак. 1927 г. № 49, ст. 499—500) плод долгого и настойчивого труда. Старые нормы

акционерного права (ст. 322—366 Гр. Код.), в основном механически повторившие нормы дореволюционного акционерного права, в условиях советской хозяйственной действительности оказались явно недостаточными и несовершенными. Снабженные всем антуражем „демократического“ управления, знающие свой собственный порядок возникновения, свой собственный порядок осуществления деятельности и свой порядок ее прекращения, имеющие свои собственные органы управления, акционерные общества с точки зрения формально-правовой являлись „вещью самой в себе“, какими-то специальными субъектами, изолированными от условий действительной жизни, от суровых и строгих начал плановости и единства, сверху донизу пронизавших наш хозяйственный строй. Никакой классификации акционерных обществ (например, по степени участия в них государственного капитала) старый закон не содержал; все акционерные общества были поставлены в одинаковые формальные условия и имели один и тот же правовой режим. Однако, абстрактность подобного положения уже вскоре начала сознаваться. Вспоминаются долгие и жаркие споры об юридической природе акционерных обществ (по вопросу о подсудности, о взаимоотношениях с РКИ и т. п.), серьезные утверждения (трагический смысл коих заключался в том, что эти утверждения находили себе исчерпывающее и доказательное подтверждение в нормах действовавшего права) о том, что все акционерные общества (например, Хлебпродукт, Промбанк и т. п.) являются частно-правовыми организациями, в сфере гражданского оборота выступающими, как независимые организмы. Осуществляя свою деятельность под непосредственным руководством выборного органа — правления, эти акционерные общества вышшим и притом единственным органом имели общие собрания акционеров, полновластно разрешавшие вопросы о направлении деятельности общества, утверждавшие отчеты правления и план предстоящей работы, свободно распределявшие прибыль, избиравшие совет, правление и ревизионную комиссию и, как „добрых хозяев“, развешивавшиеся до следующего созыва в полном сознании, что на деле остались преданные и честные приказчики, которые до конца выполняют хозяйскую волю. Каждая акция обычно давала право на один голос. Демократизм был полнейший. Самый даже мелкий акционер, приезжая на собрание, чувствовал себя хозяином, высказывался, вносил предложения, голосовал. Так было по уставу. Так с серьезными лицами старались проделывать и в действительности. С необычайной тщательностью подсчитывались голоса прибывших акционеров, проверялся кворум. Особенно наблюдали за тем, чтобы публикации о созыве общих собраний помещались в сроки, указанные в уставе, и в органах печати. Принимали меры к тому, чтобы на общем собрании не выдвигались вопросы, предварительно не указанные в публикации. В повседневной работе учреждения много сил, внимания, денег, человеческих рук затрачивалось на изготовление акций (нарядных и пестрых бумаг с текстом не только на русском, но и на европейских языках), на печатание их в Госзнаке, на учет и выдачу их акционерам. Одним словом, форма довлела. Плановое начало нашего хозяйства требовало участия того или иного „государственного“ по существу и частично-правового по форме юридического лица (оригинальная формулировка того времени) не так, как это могло мыслиться общему собранию акционеров, а так, как это требовалось интересами обобществленного сектора нашего хозяйства в целом, процессом дальнейшего углубления и развертывания социалистического строительства. Этот момент,

всеми отчетливо сознаваемый, все же по каким-то необъяснимым причинам (фетишизм формы) долгое время не приводил к единственно правильному выводу—необходимости заменить обветшавшие, отжившие формы новыми и совершенными, столь же своеобразными, быть может, сколь своеобразна наша хозяйственная система.

Первая робкая попытка проекта Торгового Свода провести разграничение акционерных обществ на государственные, смешанные и частные оказалась не вполне удачной, хотя практика жизни все же кое-какие прецеденты в этом отношении уже установила и даже законодатель в отдельных случаях прибегал к формулировке, отличающей акционерные общества друг от друга по степени фактического участия в них государственного капитала (постановление СНК СССР об отчислениях на нужды строительства рабочих жилищ из фондов улучшения быта рабочих и служащих—С. З. 1926 г. № 46, ст. 333).

Таким образом, акционерная форма, как таковая, осталась непркосновенной, весь сложный, дорого стоящий ритуал продолжал (и продолжает, как мы увидим ниже) соблюдаться, и общие собрания акционеров собирались в сроки, для них положенные, и штамповали (делали никому ненужное дело) те решения, которые были уже продиктованы интересами хозяйства в целом и проведение в жизнь коих уже предписано было государством, ответственным за нормальное и планомерное развитие народного хозяйства в целом.

Создавалось поистине странное положение: частно-правовая—„государственная по существу"—организация со всей системой своего замкнутого управления, со своим собственным порядком деятельности, с одной стороны, и всеобъемлющая плановость и публично-правовой характер (следовательно, безусловно обязательный) всего нашего хозяйственного строя, с другой стороны.

Требовалось срочное приведение в органическое соответствие форм с существом деятельности, и поэтому результаты работы по пересмотру акционерного законодательства ожидалось с большим интересом.

17 августа ЦИК СССР утвердил положение об акционерных обществах. Форма осталась прежней. В основном—тот же порядок возникновения юридических лиц, тот же порядок осуществления ими их деятельности и тот же порядок прекращения этой деятельности. И те же органы управления с общим собранием акционеров во главе.

Правда, есть новшества, и не малые. Все акционерные общества подразделены а три категории—государственные, смешанные и частные.

Государственные акционерные общества, как правило, находящиеся в ведении соответствующего наркомата, осуществляют свою деятельность в том же порядке, как и все другие акционерные общества, с тем, однако, изъятием, что на государственные акционерные общества (поскольку иное не установлено в законе) распространяются еще и законы, касающиеся всех государственных предприятий, действующих на началах коммерческого расчета (ст. 127 положения об акционерных обществах). Помимо сего, решения общего собрания акционеров по всем важнейшим вопросам вступают в силу лишь после утверждения их соответствующим наркоматом (ст. 129).

Мы знаем, что участие госпредприятий в акционерных капиталах в наших условиях не является результатом добровольного желания или свободного соглашения акционерного общества со своим будущим акционером—порядок инвестиции свободных средств госпредприятий в акционерные капиталы определен публично-правовыми нормами. Мы начинаем понимать, что система вложения

свободных средств государственной промышленности и торговли, путем разрозненного собирания их в акционерные капиталы в том виде, как эта система проводилась раньше и нередко проводится теперь, в результате подчас использования акционерным обществом зависимо от него положения будущего акционера (акционерные банки и их клиентелла) является вредной и должна быть заменена иными методами (например, обязательными отчислениями трестов и синдикатов в учреждения долгосрочного кредита (ст. 45 и 46 положения о государственных трестах—Собр. Зак. 1927 г. № 39, ст. 395 и ст. 36 положения о государственных синдикатах—Собр. Зак. 1928 г. № 16, ст. 129).

Вместе с тем, мы начинаем понимать, что тот или иной наркомат (ВСНХ—для государственных промышленных акционерных обществ и Наркомторг—для государственных торговых акционерных обществ) должен быть приближен к деятельности их. Этого требуют, во-первых, условия планового хозяйства, в которых государственным акционерным обществам приходится осуществлять свою деятельность, во-вторых, ресурсы (зачастую средства бюджета, операции с которыми при существующей у нас системе федеральных финансов являются особо сложными), которыми оперируют государственные акционерные общества и, в-третьих, необходимость постоянного ведомственного руководства в деле осуществления этими обществами задач государственного значения.

Если мы сопоставим ст. 75 положения об акционерных обществах, содержащую в себе перечень вопросов, отнесенных к неперемемному ведению общих собраний акционеров, со ст. 129 того же положения, излагающей круг вопросов, решения по которым общего собрания акционеров требуют неперемемного утверждения соответствующего наркомата, то мы увидим, что ни одно решение общего собрания акционеров по сколько-нибудь серьезному вопросу не может вступить в силу, без утверждения его соответствующим наркоматом. Постановления о составе правления, совета, ревизионной и ликвидационной комиссий о финансово-операционном плане на предстоящий год, об утверждении отчета за истекший год, об изменении устава (а следовательно и об уменьшении или увеличении основного капитала), о ликвидации общества—все эти вопросы подлежат обязательному утверждению ведомства.

И совершенно естественен при этих условиях вопрос о роли и значении для жизни и деятельности государственного акционерного общества института общего собрания акционеров, нередко являющегося, с одной стороны, в оперативной работе акционерного общества невольным тормозом (комплекс формальностей и сумма затрат, связанных с созывом общего собрания акционеров; факты нашей хозяйственной действительности уже изобилуют такими примерами, как создание протоколов общих собраний, никогда не собиравшихся, принятие решений, выносимых собиравшимися общими собраниями акционеров, но не имеющими надлежащего кворума и т. д.), а, с другой стороны, все более и опять-таки невольно становящегося излишней промежуточной инстанцией между наркоматом и его оперативным органом. Нам думается, что вопрос о жизнестойкости института общих собраний акционеров назрел окончательно и что ответом на этот вопрос в отношении государственных акционерных обществ может быть лишь один—институт общих собраний акционеров является излишним. Мотив о том, что, уничтожив акционерную форму, мы лишаемся прекрасного источника аккумуляции свободных денежных средств, в условиях всеобъемлющей плановости явно

устарел и неоснователен. Мотив о том, что внутри таких организаций необходимо существование атмосферы деловой советской общественности еще менее убедителен, так как деловую советскую общественность, и уже не в распыленном, а в сконцентрированном виде, мы имеем в более удачных и действительно общественных объединениях, к группе каковых, например, может быть отнесен Совет Съездов торговли и промышленности.

Уставы отдельных государственных акционерных обществ, являющиеся специальными законами, уже вступили на путь ограничения в отдельных случаях прав общих собраний акционеров. Так, уставом Центрального Сельско-Хозяйственного Банка (§ 91 устава — Собр. Зак. № 42 1927 г., ст. 425—426) определен порядок разрешения вопроса о прекращении деятельности Банка ЦИК СССР и таким образом разрешение этого существеннейшего вопроса из компетенции общего собрания акционеров изъято. Устав Банка Долгосрочного Кредитования Промышленности и Электрохозяйства СССР (§ 10 в проекте, утвержденном НКФ СССР) предусматривает право Правления Банка в случаях, не терпящих отлагательства, с утверждения ВСНХ СССР, разрешать вопросы, относящиеся к компетенции общего собрания акционеров.

В этом направлении надлежит сделать еще один шаг дальше и перейти от отдельных разрозненных актов к общему решению о несоответствии в отношении государственных акционерных обществ акционерной формы, как существу тех задач, которые на эти общества возложены, так и методов осуществления этих задач.

Чрезвычайно красноречивые материалы, иллюстрирующие это положение, мы находим в уставах наших кредитных учреждений. Уже, казалось, усвоен в основном взгляд на наши кредитные учреждения, как на институты государственной власти в области снабжения кредитом и перераспределения средств, осуществляющие в условиях всеобъемлющей плановости нашего хозяйства общие государственные задачи.

В деятельности советских банков не может и не должно быть положения банка-кредитора и клиента-должника, при котором малейшая неисправность клиента-должника отдавала бы его всецело в руки банка-кредитора, снабженного и процессуальными привилегиями и залоговыми льготами и правом продажи и т. д. В условиях плановости нашего хозяйства исключена возможность такой „расправы“, равно как и исключено противопоставление банка, как кредитора, клиенту, как должнику; условия плановости нашего хозяйства требуют создания иных взаимоотношений — соединения совместных усилий банка и клиента для достижения единой хозяйственной цели, за выполнение коей оба они, как банк, так и клиент, несут каждый свою ответственность (банк за своевременную, согласно плана, выдачу денег, а клиент — за своевременное и надлежащее использование им полученных из банка средств). Целевое кредитование становится превалирующим и должно стать исключительным не только долгосрочных, но и краткосрочных банков. Организующая роль советских кредитных центров только тогда может дать надлежащие результаты, когда деятельность их будет органически связана с планирующими и регулируемыми органами и осуществляться на основе строгих кредитных планов, утверждаемых государственной властью. К такого рода деятельности советские банки подошли вплотную, таково содержание их практической и оперативной работы на сегодняшний день. О таких операциях, как специальные текущие счета „онколь“, серьезно сегодня уже никто не помышляет, ибо кредит „до востребования“ находится

в непримиримом противоречии с плановостью всего нашего хозяйства; такие меры, как экзекуция товарных залогов, не применяются по тем же причинам и даже протесты векселей основной клиентуры отходят в область предания, и не потому, что основные клиенты всегда аккуратно погашают свои обязательства перед банком, а потому, что обычно последствия протеста векселей: закрытие кредита, предъявление векселей ко взысканию, опись и продажа имущества с публичных торгов, в условиях общественного хозяйства звучат малоубедительно.

Однако, если одновременно с этим мы посмотрим на уставы наших банков, облеченных в акционерную форму, мы увидим, что и там чистота этой акционерной формы довлеет. Высший орган — общее собрание акционеров — попрежнему полновластно и единолично разрешает все вопросы; выборный орган — правление, — попрежнему единолично выполняя волю единственного хозяина, осуществляет свою деятельность, открывая кредиты в форме специального текущего счета, онколь, протестуя векселя, совершая экзекутивные продажи и т. д.

Насколько бремя акционерной формы тяжело и непродолимо (а вместе с тем, так легко преодолено его), красноречиво свидетельствуют основные положения о Банке Долгосрочного Кредитования Промышленности и Электрохозяйства СССР (Собр. Зак. 1928 года № 42, ст. 376 — 377). Эти основные положения, устанавливая фирменное наименование банка, декларируют его, как акционерное общество. Поскольку в этом законе, вместе с тем, не содержится указания на то, что все акции БДК принадлежат исключительно госучреждениям или госпредприятиям (ст. 3 положения об акционерных обществах), постольку с точки зрения формально-правовой БДК, осуществляющий долгосрочное кредитование и финансирование всего капитального строительства Союза, оперирующий со средствами всего бюджета, предназначенными на эту цель, собирающий в свои специальные капиталы не только отчисления по госбюджету, но и все обязательные отчисления от прибылей трестов, синдикатов, акционерных обществ, а в свои вклады не только возвратную часть бюджета, но и амортизационные отчисления и отчисления из капиталов расширения трестов и синдикатов, осуществляющий финансовый контроль над всем капитальным строительством СССР, этот банк по прямому смыслу положения об акционерных обществах является частным юридическим лицом и потому никак не может находиться в ведении какого-либо наркомата. А между тем такое кредитное учреждение, как БДК, не может не находиться в ведении наркомата и уже ст. 1 основных положений называет ВСНХ, как наркомат, в ведении коего БДК находится.

Всего сказанного совершенно, на наш взгляд, достаточно, чтобы прийти к заключению о том, что акционерная форма для таких юридических лиц, которые работают на средства государства, осуществляя цели и задачи государственного значения, неприменима и не соответствует условиям деятельности этих юридических лиц в своеобразной системе нашего хозяйственного строя.

Создание новых форм применительно к положению о государственных промышленных трестах (Собр. Зак. 1927 г. № 32, ст. 392), положению о государственных синдикатах (Собр. Зак. 1928 г. № 16, ст. 129), о торгах (Собр. Зак. 1927 г. № 49, ст. 502) применительно к конструкции таких юридических лиц, как, например, Центроспирт (Собр. Зак. 1928 г. № 33, ст. 142), срочный пересмотр уставов кредитных учреждений — все это является задачей, назревшей и совершенно неотложной.

Шрейбер

Дела алиментные.

(из практики народных судов Вятской губернии).

Рост числа алиментных дел.

Вятский губсуд произвел изучение алиментных дел в губернии в процессе их прохождения через нарсуды за два года—1926 и 27.

Первое, что необходимо отметить—это значительный рост в 1927 г. алиментных дел в нарсудах (если в 1926 г. через нарсуды прошло 2875 алиментных дел, то в 1927 г. этих дел прошло уже 3867 или на 34,5% больше, чем в 1926 г.), что несомненно подтверждает, что семейное право у нас в губернии стало более понятным населению. Правда популяризация его все еще недостаточна, особенно среди крестьянства, и все судебные работники нашей губернии поставлены перед необходимостью дальнейшего углубления и расширения агитационно-пропагандистской работы по широкой популяризации семейного права.

Характерно, что рост алиментных дел происходит главным образом за счет фактических браков и в результате кратковременной половой связи.

О социальном положении сторон и о размере удовлетворения иска.

Как на недостаток в работе судов следует указать на то, что нарсуды совершенно игнорируют вопрос о социальном положении истца и ответчика в гражданском процессе. Отчасти это происходит от того, что в Гражданском Процессуальном Кодексе по данному вопросу нет ни специального пункта, ни оговорки, требующих учета социального положения сторон. Это особенно надо отметить потому, что Уголов.-Проц. Кодекс имеет по этому вопросу специальный пункт (ст. 344 УПК), обязывающий суд указывать классовую принадлежность и социальное положение. Правда, в Кодексе законов о браке статья 42 требует выяснения социального положения родителей, но нарсуды, забывая об этом, сами себе значительно затрудняют работу. При изучении вопроса все же удалось выявить, что главную массу истцов и ответчиков по алиментным делам составляют крестьяне, значительно меньше служащих, рабочих немного. Кулаки и нетрудовой элемент совершенно отсутствуют в группе истцов.

Не все нарсуды усвоили, что такое по существу алименты и зачем их собственно взыскивают, почему они предусмотрены советским законодательством. Они превращают алименты в какую-то милостыню, в подачку ничтожных размеров. „Образцовым“ в этом отношении является Омутнинский уезд. Нарсуды в этом уезде нередко присуждают покинутой мужем жене и ребенку 1 руб. алиментов в месяц. В среднем в Омутнинском уезде нарсуды присуждают 3 руб. 96 коп. на ребенка в месяц. Из этого более чем ясно, насколько неправильно и своеобразно суды Омутнинского района понимают цель, роль и значение алиментов, служащих защитой для детей и дающих минимальную гарантию женщине.

Кое-что о волоките.

Алиментные дела крайне медленно разрешаются нарсудами, несмотря на то, что они относятся к первоочередным. Губсуд указывал нарсудам на то, что алиментное дело в суде I инстанции не должно разбираться дольше месяца. Однако, изучение вопроса показало, что алиментные дела лежат в нарсудах приблизительно такое время: до 2 месяцев—30% дел, до 3 месяцев—13%,

свыше 3 месяцев—18%, и свыше года—3%. Таким образом, несмотря на первоочередность, есть алиментные дела, которые „отдыхают“ в канцеляриях нарсудов до года и даже более. Эта медленность в движении алиментных дел выступает еще ярче, если сравнить их движение с движением других гражданских дел в нарсудах губернии. Серьезных причин, которые бы влекли за собой задержку в движении алиментных дел, при изучении вопроса, не обнаружено. Очевидно, что здесь явное непонимание вопроса. Все необходимые указания по вопросам увеличения алиментных сумм и ускорения продвижения алиментных дел губсудом даны и результаты их должны будут сказаться.

Можно считать за правило, что каждое алиментное дело проходит 2 заседания. Поводом к отложению дел обычно является ряд устранимых причин. Это имеет место потому, что к судебному заседанию не ведется тщательной подготовки. В результате к 1-му заседанию не вручены повестки, нет необходимых доказательств и пр. Плановости в работе нарсудов нашей губернии также мало, а формализм в части из них укрепился крепко, и это ведет к волоките. Известны такие случаи: у истицы умер ребенок. Она подает заявление о прекращении дела. Но суд с заявлением не соглашается и дело продолжает. В этом как будто более чем достаточно формализма и волокиты. Другое дело тянулось в нарсуде 2 года, и суд прекратил его на основании заявления истицы, которая пишет: „Я смирилась со своим положением и без всякого насилия подаю это заявление“.

Большинство нарсудов Яранского уезда не определяют в судебном решении точного размера присужденного взыскания. Они прямо по трафарету пишут в решении: „взыскать с ответчика прожиточный минимум по ставкам статбюро“. В таком виде решение противоречит циркуляру Верхсуда 24 г. № 36 и в виду неясности заставляет исполнителей обращаться опять в суд за разъяснением судебного решения. Имеются случаи глубокого философствования и условных решений более чем странных и удивительных. Так один нарсудья в свое судебное решение включил следующую „глубокомысленную“ фразу: „если у ответчика изменится материальное положение и он будет получать зарплату меньше 80 руб., то и в соответствии с этим алименты должны понизиться с 5 руб. до 3 руб.“. Вполне очевидно, что огромным недостатком в работе нарсудов является то обстоятельство, что очень многие суды не выясняют материального положения сторон, хотя в брачном законе определенно указано, что размер взыскания определяется согласно имущественному положению сторон. Губсуд со своей стороны, специальным инструктивным письмом (в 1927 г.) предлагал строго учитывать материальное положение сторон и принять это за основу в алиментном процессе. В этом письме было также указано, что усвоенная нарсудами практика присуждения прожиточного минимума совершенно неправильна. Однако, изучение алиментных дел губсудом показало, что наши суды ни брачного закона, ни предложения губсуда еще достаточно не усвоили и не исправили до сих пор этого недочета в работе.

Осторожность вообще в работе вещь желательная, но преувеличенная осторожность явление, болезненно смахивающее на формализм. Такую преувеличенную осторожность, вернее формализм иногда проявляют нарсуды. Бывает, что истица отказалась от иска в виду возобновления брачной жизни с ответчиком. Но суд, несмотря на ходатайство истицы, не останавливает процесса и выносит излишне мудрое решение: „истица от иска отка-

залась в силу того, что сошлась в совместное жительство с ответчиком и ребенка воспитывают совместно, но дело в интересах ребенка прекращено быть не может, а потому суд в порядке ст. 38 Код. о браке постановил: воспитание ребенка возложить на обоих родителей, предоставив в дальнейшем сторонам (той или другой) ходатайствовать при несовместном сожительстве об изменении долей в участи воспитанья их ребенка". Нельзя не „восхищаться" такой исключительной дальновидностью и предусмотрительностью. Но каков душок узкого формализма! Такие случаи не единичны и характерно, что нарсуды, повидимому, считают, что они не в право прекращать дела даже по обоснованному ходатайству истицы. Что это действительно так, видно хотя бы из следующего случая. В нарсуде 3 участка было дело о признании отцовства. Но за неимением доказательств истица через некоторое время просила суд дело прекратить. Суд, несмотря на это, не решился дело прекратить, а предложил помпрокурора вступить в дело в качестве заинтересованной стороны. Вот что сказано далее в протоколе: „Пом. прокурора говорит, что материалов в деле мало, чтобы ответчика признать отцом ребенка истицы, но просит суд дело производством не прекращать, а лишь истице в иске отказать, дабы при открывшихся новых обстоятельствах она имела возможность снова возбудит ходатайство о признании (ответчика) отцом ее ребенка". Здесь характерно, насколько неправильно представление относительно ликвидации алиментных дел по отказу истиц от исков у нарсудьи и помпрокурора.

Об отцовстве.

В практике нарсудов часто имеет место установление отцовства посредством судебной экспертизы, хотя это запрещено цирк. НКЮ (26 г. № 34,—„ЕСЮ" № 9). Попытка суда этим путем установить зачатие ребенка от данного отца иногда не обходится без курьезов. Имеющиеся в нашем распоряжении данные говорят о полной бесполезности этой экспертизы, которая лишь загромаждает процесс в подобных случаях.

Нередко дела об отцовстве слушаются заочно, без ответчика. Мотив: „принимая во внимание, что согласно метрической справки ответчик значится отцом ребенка истицы, суд постановил в порядке 98 ст. ГПК дело слушать заочно". Другие нарсуды, напротив, прекращают дела в виду неявки истца в суд. Так, нарсуд Яранского уезда прекратил алиментное дело по 100 ст. ГПК.—„в виду систематической неявки в суд истицы". Между тем прекращение гражданского дела по 100 ст. ГПК возможно только при неявке в суд обеих сторон. Имеют место случаи, когда суду хорошо известно, что ответчик по алиментному делу находится в безвестном отсутствии, тем не менее суд применяет к делу ст. 74 ГПК и дело рассматривает заочно. Очевидно, что решение дела при этих условиях в пользу истицы для нее в конце концов бесполезно. Бывает, что суд выносит решение об отказе в иске только потому, что истица не представила достаточно доказательств, тогда как сам суд совершенно не использовал свое право и обязанность по собиранию доказательств.

Процессуальные нарушения.

Необходимо отметить, что иногда нарсуды грубо нарушали процессуальный закон, подвергая приводу в суд неявившихся свидетелей.

Достаточно многочисленны случаи в судебной деятельности нарсудов по делам об алиментах, когда процессуальные распоряжения суда ставят в затруднитель-

ное положение матерей-истец. Например, ответчик зарегистрирован в Загсе отцом ребенка, на содержание которого с него отыскивается. Но стоит ему голословно заявить, что он не признает себя отцом ребенка, как нарсуд откладывает дело слушанием и предлагает истице, в порядке 118 ст. ГПК, представить доказательства об отцовстве ответчика. По одному такому делу ответчик указал, что он у истицы бывал только днем, а не ночью и поэтому отцом себя не считает. Суд принял это возражение и потом повел канитель с проверкой его, не учтя насколько это ценно для дела.

Имеют место случаи придания письменным заявлениям свидетелей значения личных свидетельских показаний. Часто нарсуды не дают ответов в своем решении на все процессуальные пункты искового заявления и по встречным искам. Многими нарсудами недостаточно твердо усвоено право участия третьих лиц в процессе. Отмечен случай, когда суд привлекал в качестве ответчика по делу об отцовстве совершенно другое лицо, хотя истица категорически заявляла, что она никогда не состояла в половой связи с привлекаемым судом ответчиком.

Еще факт нарушения процессуального закона: один из нарсудов города Вятки присудил 1/4 будущего заработка ответчика. Получается это тогда, когда суд руководится прожиточным минимумом, а не материальным положением ответчика.

О добровольных соглашениях.

Алиментные дела в сравнительно большом количестве (до 21%) прекращаются на судах на основании заключенных на суде мировых сделок. Хотя это факт и положительный, но при изучении вопроса установлено одно обстоятельство, ставящее под вопрос самый способ разрешения дел мировой сделкой. Оказывается, что по большинству заключенных мировых сделок ответчики обычно впоследствии уклоняются от добровольного исполнения принятых обязательств. Возникает новый процесс. Здесь очевидно, что ответчик стремится как можно дольше оттянуть решение вопроса об алиментах. Это обстоятельство должно учитываться нарсудами при рассмотрении алиментных дел.

Взыскание алиментов.

Как же протекает фактическое исполнение судебных решений по алиментным делам? Этот материал можно было бы получить, изучая работу органов милиции, в большинстве случаев приводящих в исполнение решения нарсудов в губернии по алиментным делам. Это изучение—вопрос недалекого будущего. Пока же на основании имеющихся материалов удалось установить, что по г. Вятке успешно исполнено 78% взысканий, 9% исполнения проходило добровольно, 13% взысканий по исполнительным делам было безуспешно из-за безработицы, несостоятельности, выбытия неизвестно куда и отсутствия постоянного местожительства и имущества у ответчика.

В заключение необходимо отметить, что по всем вопросам, выявившимся при изучении алиментных дел, губсуд дал местам, в специальном письме, необходимые разъяснения.

Судам предложено добиться максимальной быстроты разрешения в судах алиментных дел, тщательнее готовить дела к судебному заседанию и изжить формальный подход к делам. Подготавливать дела так, чтобы без особой надобности не откладывать их слушание. Решено издать специальное инструктивное письмо по вопросам практики нарсудов губернии. Обращено внимание на увеличение размера присуждаемых взысканий, осо-

бенно в Омутнинском уезде, где размер этих взысканий ничтожен. Нарсудам рекомендовано отказаться от медицинской экспертизы в алиментных делах, устанавливать точный размер алиментов и пр.

Частично проведены и проводятся доклады по изучению практики судов по алиментным делам на уездных совещаниях судебных работников.

Зав. ИРО, член Вятского губсуда *Кринкин*.

Необходимо улучшить постановку дела исполнения судебных решений¹⁾.

Без всякого преувеличения можно сказать, что ни одна область судебной работы не вызывает столько нареканий и жалоб как работа судебных исполнителей. Одновременно с этим следует отметить, что этот слабый пункт судебной работы не подвергался до сего времени серьезному изучению, анализу и обсуждению. Характерно, что комиссии НК РКИ, производившие обследование судебных органов с целью выработки мер по упрощению и рационализации нашего судебного производства, не уделили необходимого внимания исполнительному производству.

Между тем, состояние нашего исполнительного аппарата заслуживает самого пристального внимания к нему, и наряду с теми мерами, которые намечено провести в жизнь в направлении упрощения судебной процедуры и наиболее быстрого рассмотрения дел в судах, нам представляется совершенно необходимым выработать также и меры по упрощению исполнительного производства и по ускорению последнего, так как быстрое разрешение дел в суде при наличии самой недопустимой волокиты в стадии исполнения решений, само по себе не даст должного эффекта и в значительной степени уронит ценность упомянутых мер.

Те последние цифровые данные республиканского масштаба, которыми мы располагаем в настоящее время, рисуют весьма безотрадную картину движения дел у судебных исполнителей. Из оконченных в 1926 г. дел находилось в производстве:

до 1 м.	от 1 до 2 м.	свыше 2 м.
28,8%	20,3%	50,9%

Вряд ли можно полагать, учитывая опыт отдельных районов республики, чтобы эти цифры и в 1928 г. решительно изменились к лучшему. Состояние исполнительного аппарата продолжает оставаться напряженным и по сей день. О чем же говорят приведенные цифры. На первый взгляд цифра „50,9%“ производств, находящихся в движении свыше 2 месяцев, не внушает особых опасений. Но вся беда, что в скромную рубрику „свыше 2 месяцев“ в большинстве своем входят дела, находящиеся в производстве многие месяцы, а иногда и 1—2 года.

Обследования и ревизии судебных исполнителей показывают, что исполнительные производства, насчитывающие движение до 1 года — самое заурядное явление. Пышущему эти строки сплошь и рядом приходилось обнаруживать у судебных исполнителей, обслуживающих сельские местности, алиментные дела, по которым в течение 1—2 лет ни разу не было произведено взыскание.

Если же произвести анализ нагрузки судебных исполнителей, то и здесь придется столкнуться с весьма

и весьма печальными цифрами. Так, например, в Донском округе мы имеем целый ряд камер, в которых имеется 500, 600 и даже 900 дел в производстве. По г.г. Ростову и Нахичевани н/Д. поступление на один участок достигает 200—300 дел. Заканчивают в месяц судиспы здесь от 150—220 дел.

Неудовлетворительное состояние участков судебных исполнителей обычно принято объяснять: 1) недостаточностью сети участков, 2) текучестью личного состава судиспов и 3) слабой их квалификацией.

Никто, конечно, не станет отрицать, что эти моменты в ряде случаев имеют место и вредно отражаются на работе. Но все же со всей решительностью надлежит признать, что указанные причины являются не исчерпывающими и притом не самыми главными.

Конечно, если бы исполнительный аппарат на все 100% был обеспечен достаточно подготовленными и хорошо оплачиваемыми работниками и если бы число их было бы доведено в каждом округе, уезде до таких пределов, чтобы поступление не превышало 80—120 дел в месяц, то работа судиспов во всех отношениях на много улучшилась бы. Однако, здесь мы не можем утрачивать чувства реальности. Увеличение, например, штата на 50%, а в некоторых местах и того больше, по финансовым соображениям совершенно невозможно.

Поэтому к разрешению данного вопроса мы должны подходить под углом зрения выявления и глубокого анализа общих причин, отрицательно влияющих на работу исполнительного аппарата, и намечения тех мер, которые должны устранить указанные причины в пределах имеющихся в нашем распоряжении средств и возможностей.

С нашей точки зрения такими общими причинами являются:

- 1) отсутствие точной законодательной регламентации организационного построения аппарата судиспов;
- 2) отсутствие в распоряжении судиспов технического сотрудника;
- 3) нерациональность существующего порядка вознаграждения судиспов за труд;
- 4) разрозненность норм, регулирующих исполнительное производство;
- 5) нагрузка судиспов взысканиями, производство по которым целесообразно возложить на другие органы;
- 6) недостаточность авторитета судиспов в глазах широких масс населения;
- 7) множественность контроля за работой исполнительного аппарата.

Теперь постараемся выяснить, в чем именно заключается сущность указанных ненормальностей и какие меры необходимо, с нашей точки зрения, осуществить для устранения их.

Ст.ст. 91, 92 и 94 Положения о Судебном устройстве предусматривают две категории судиспов: 1) при губсудах и 2) при нарсудах. Вместе с тем, закон совершенно не касается вопроса о контроле над работой судиспов, а это на деле создает фактическую бесконтрольность судисполнителя. Необходимо, чтобы судиспы состояли не только при нарсудах, но и в штате последних, с полным подчинением и подконтрольностью нарсудье, и об этом должно быть упомянуто в законе. Такое разрешение вопроса устранило бы, вместе с тем, и другой вопрос — о канцелярском работнике при судиспе, так как последний мог бы обслуживаться канцелярским аппаратом нарсуда (а в губсуде — аппаратом губсуда), тогда как опыт показывает, что

**Необходимость
устранения
недочетов
организаци-
онного ха-
рантера.**

¹⁾ Печатается в порядке обсуждения.

в нынешних условиях судисп добрую половину своего рабочего времени вынужден затрачивать на канцелярскую работу.

Уже более года тому назад был поставлен мостами перед НКЮ вопрос о переводе судиспов на твердые ставки, но до настоящего времени еще не разрешен в положительном смысле. Необходимость немедленного осуществления этой меры общеизвестна и вряд ли требует особых доказательств.

Объединение разрозненных ныне законо- дательных материалов, разъяснений и циркуляров.

Качество работы судисполнителей, как показывает опыт, во многих случаях неудовлетворительно вследствие весьма затруднительного пользования законодательным материалом. Кроме посвященных исполнительному производству 62-х ст. ГПК, мы имеем ряд дополнительных циркуляров (особо важное место занимает цирк. НКЮ № 134—24 г.) и разъяснений Пленума Верховного суда. За ряд лет накопился настолько объемистый дополнительный материал к ГПК, что применение тех или иных норм стало для судиспов весьма затруднительным. Вместе с тем опыт достаточного количества дел, получивший свое отражение в циркулярных распоряжениях и разъяснениях, дает полную возможность переработать часть V ГПК таким образом, чтобы все разбросанные нормы исполнительного производства были приведены в стройную систему последовательного и ясного изложения порядка исполнения судебных решений. По отзывам практических работников эта мера во многом облегчила бы работу судисполнителя, так как, выполняя свою работу преимущественно в разъездах или, во всяком случае, вне канцелярии, каждый судисполнитель нуждается, естественно, в портативном руководстве, к которому он мог бы на месте исполнения решения обратиться за разрешением того или иного вопроса.

Существующие в настоящее время комментарии и руководства не могут, конечно, служить надежным пособием, так как комментаторы приводят свои личные взгляды на тот или иной правовой вопрос, часто расходящиеся, например, с разъяснениями Пленума Верховного суда, обязательными для судисполнителя. Вот почему следует и необходимо настаивать на исчерпывающем изложении порядка исполнения судебных решений в форме закона или инструкции НКЮ. Никто, по нашему мнению, не станет отрицать этого, если в достаточной степени учтет специфические особенности исполнительного производства.

Пересмотр не- которых дей- ствующих норм по исполни- тельному про- изводству.

Параллельно с этим должно быть уделено необходимое внимание критической оценке действующих норм. В будущем законе не должно быть места тому, что на практике показало свою нежизненность или нецелесообразность и должно получить значение обязательной нормы то, чего повелительно требует сама жизнь.

Можно привести следующие примеры:

Ст. 304 ГПК не указывает, при какой предельной сумме оценки имущества обязательна публикация о торгах в газете. Цирк. НКЮ № 134, исходя из установленной опытом нецелесообразности публикации в газетах о продаже имущества на незначительные суммы, требует обязательной публикации лишь при оценке имущества свыше 50 р., а до 300 р.—с разрешения суда. Во что же вылилось на практике соблюдение требования о санкциях судом продажи с торгов имущества на сумму от 50 до 300 р. В пустую формальность. Нам неизвестно ни одного случая, когда суд отказал бы в подобном ходатайстве судиспа.

Поэтому, во избежание излишней переписки и волокиты, целесообразно возложить на самого судиспа разрешение вопроса о необходимости публикации, признав безусловно необходимой публикацию при продаже имущества на сумму выше 300, а то и даже 500 рублей.

Далее, действующий закон (ст. 280 ГПК) не разрешает вопроса о том, как должен поступить судисполнитель, если описанного им имущества никто не принимает на хранение. В таких случаях судисп затрачивает массу времени на уговоры то должника, то взыскателя или же сторонних лиц. С нашей точки зрения необходимо, чтобы закон прямо указывал судиспу выход из такого положения: сдачу имущества на хранение в государственные или общественные хранилища-учреждения (в городах—в ломбард, в деревнях—в КОВ, в сельсовет и т. п.), с отнесением за счет взыскателя (с последующим, конечно, возмещением должником) расходов по перевозке имущества.

Нежизненным является установленный ст. 315 ГПК срок (3-дневный), в течение которого взыскатель может заявить об оставлении за собой непроданного с торгов имущества. Как показывает опыт, в большинстве случаев взыскатель на торгах отсутствует, и если он проживает не в месте нахождения канцелярии судиспа, то справку о результатах торгов он наводит письменно и узнает о том, что торги не состоялись уже по истечении 3-дневного срока, после чего старается указать судиспу другое имущество, на которое можно было обратить взыскание, и дело, таким образом, затягивается. В виду этого следует установить более длительный срок, примерно, до одной-двух недель.

Ст. 316 на практике вызывает различное толкование по вопросу о том, сколько раз судисполнитель в праве назначать торги. Необходимо, чтобы закон содержал в себе по этому вопросу точное указание. Целесообразно ввести ограничение двумя торгами, указав последствия, если не состоятся и вторичные торги.

Эти примеры не являются, конечно, исчерпывающими. Опрос мест относительно неполноты и неясности законов об исполнительном производстве дал бы, несомненно, богатый материал.

Освобождение судиспов от производства ряда взыска- ний.

Как показал опыт, загрузке судиспов в значительной мере способствует лежащая на них обязанность исполнения решений и определений, которые в силу условий работы судиспа или же особого характера взыскания таят в себе зародыши волокиты. Сюда нужно отнести:

- 1) исполнение определений судов о взысканиях в доход государства;
- 2) исполнение алиментных и частично трудовых дел на селе, а также мелких взысканий по решениям судов;
- 3) разного рода взыскания с земобществ.

Порядок взыскания в доход государства судиздержек на протяжении последних лет претерпел известную эволюцию.

До издания циркуляров НКЮ № 201 1925 г. и № 84 1926 г. судиздержки взыскивались одновременно с проведением в исполнение основного решения. Без решения судиздержки взыскивались судиспами или милицией по определениям судов по мировым сделкам и т. п. С изданием же указанного циркуляра обязанность взыскания судиздержек отдельно от решений была возложена на финотделы. Одновременно с исполнением решений судиспы производили взыскание судиздержек лишь в случаях, когда истцом выбирался исполнительный лист в течение двух недель.

С изданием же декрета СНК от 29/IX 1927 г. вся работа по взысканиям судиздержек легла на судиспов. С этого момента наблюдается значительный рост поступления дел у судиспов именно за счет этого рода взысканий. По подсчетам Донского окружного суда каждому судиспу поступает ежемесячно от 40 до 80 дел о взысканиях судиздержек (штрафы составляют ничтожный процент). Между прочим, следует отметить, что около 30% данного рода взысканий крайне мизерны по своим размерам и выражаются в сумме от 1 руб. 50 коп. до 3 руб. Тем не менее судебный исполнитель вынужден выполнять и по этим делам всю канцелярскую процедуру, которая одинаково необходима как для мелких, так и крупных взысканий (за ведение дела, выписывание карточек и т. д.). Все усилия наблюдающих за судиспами нарсудей, добивающихся исполнения этих взысканий в требуемый декретом двухнедельный (в городах) срок, не дали никаких результатов, и влиять в этом судиспов нельзя. Нельзя судиспа заваливать мелочами, ибо из-за них не видно более серьезных дел. Не надо особой сноровки, особых знаний, чтобы взыскать в доход казны 1—2 руб. Для этого нужно лишь время, а его-то у судиспов и нет. В результате получилось, что судисп не может быстро исполнять и определений о взыскании судиздержек, а наряду с этим, будучи забытым мелочными взысканиями, не может с должным вниманием отнестись и к основной своей работе—исполнению судебных решений, а это влечет за собой усиление потока жалоб на медленность исполнительных действий. Вообще, надо заметить, у нас не установился прочный, твердый взгляд на судебного исполнителя, как на орган, основной и ближайшей задачей которого является исполнение судебных решений, и притом таких, которые при исполнении требуют у исполнительного органа наличия достаточно глубоких знаний и навыков.

Надо со всей категоричностью подчеркнуть, что судебный исполнитель, дабы он мог своевременно и успешно выполнять упомянутые судебные решения, должен быть освобожден от мелочных, копеечных дел, которые сосредоточиваются массами в его руках, сковывают исполнителя по рукам и ногам, лишают его той гибкости, подвижности, которые так необходимы в этой работе. Если мы не можем сейчас говорить о полном освобождении судиспа от мелочных дел вообще, то от взыскания судиздержек, этого весьма серьезного балласта, он должен быть освобожден.

Совершенно непонятно, почему разгружен более мощный аппарат—финотдел, за счет и без того слабого аппарата судебных исполнителей.

6/7 июля с. г. издан циркуляр-инструкция НКЮ № 94 НКФ № 15 (ЕСЮ № 26) „по применению утвержденных СНК правил по наблюдению за поступлением сумм, взыскиваемых на основании решений, определений и приговоров судов“. В силу этой инструкции судиспам такого рода взыскания могут поручаться лишь в случаях неуплаты добровольно присужденных издержек или штрафа по требованию суда. На первый взгляд может показаться, что такая мера радикально облегчит судисполнителей. Однако, уже имеющийся опыт показывает иллюзорность такого предположения.

Судиспы г. Ростова н/Д. уже на протяжении ряда месяцев практикуют посылку повесток о добровольном исполнении, не прибегая сразу к принудительным мерам, и эта практика показала, что лишь в 20—25% случаях имеет место добровольная уплата присужденных в доход государства сумм. Следовательно, серьезно говорить о

разгрузке судиспов путем применения этой меры не приходится.

В виду всего изложенного, необходимо освободить судиспов от обязанности взыскания в доход государства судиздержек до 25 руб. и возложить эти обязанности либо на финотделы, либо на милицию. В частности, совершенно неосновательна боязнь передачи этих функций милиции по тем соображениям, что милиция не должна отвлекаться от своих основных обязанностей—поддержания порядка и охраны общественной безопасности. Так, например, участковых надзирателей и их помощников в г. г. Ростове и Нахичевани н/Д. имеется 54 (и вообще их всюду значительно больше, чем судиспов). На каждого из них придется в месяц не более 10 мелких взысканий, и эта работа ими может выполняться совершенно безболезненно во время ежедневных обходов своих участков. Этот вопрос в одинаковой мере касается как города, так и деревни.

В особом же положении находятся судебные исполнители, обслуживающие сельские местности, в отношении исполнения судебных решений по алиментным, трудовым делам и по взысканиям с земольных обществ. Многократными ревизиями установлено, что безобразная, вызывающая массу совершенно справедливых нареканий грудящихся волокита имеет место именно в отношении перечисленных категорий дел. И винить в этом судиспов никак нельзя. Можно со всей определенностью сказать, что главнейшими и существеннейшими причинами, влекущими столь печальные последствия по указанным делам, являются: 1) особый характер деревенских дел об алиментах; 2) зачастую дальнее расстояние, отделяющее местожительство должника от камеры судиспа; 3) отсутствие в распоряжении судиспа сумм на оплату развозов по алиментным и трудовым делам, так как взыскатели от взноса таких сумм освобождены.

Введенное 56 ст. Брачного Кодекса ограничение круга имущества, принадлежащего с.-х. двору, на которое может быть обращено взыскание, на практике приводит к тому, что судебный исполнитель, выехавши на место жительства должника и убедившись в том, что требуемого по закону имущества у должника не имеется, вынужден выжидать момент, когда такое имущество появится (напр., сбора урожая, улова рыбы и т. д.). Следовательно, в большинстве случаев по таким делам необходим повторный выезд. Обычно судисп старается приурочить исполнение по алиментным делам к выезду в данный населенный пункт для исполнения решений по другим оплачиваемым делам, ибо взыскатели по алиментным (и трудовым) делам освобождены от возмещения расходов по переезду судиспа. Но хорошо, когда оплачиваемые дела имеются у него в производстве. А ведь бывает, и очень часто, что таких дел не имеется и судисп лишен возможности сделать выезд. Утеря же благоприятного момента, когда у должника имеется имущество, могущее быть объектом взыскания, в большинстве случаев равносильна отложению взыскания на значительный промежуток времени (напр., от урожая до урожая).

Вот где коренится настоящая причина задержки исполнения взыскания по алиментным делам (а часто и по трудовым) на 1, 2, а то и 3 года.

В связи с изложенным выше, следует притти к тому бесспорному выводу, что в целях изжития существующей в настоящее время и в сильнейшей степени нарушающей интересы беднейшего крестьянства волокиты, необходимо каким-то образом приблизить исполнительный орган к должнику. Но кто на селе может выполнять и с успехом эту функцию? Кто может быстро реагировать

на появление у должника имущества, на которое можно обратить взыскание? Таким органом, с нашей точки зрения, является сельсовет. Имея опыт по взысканию в принудительном порядке налогов и сборов, сельсовет с полным успехом, и без особого обременения себя этой работой (так как на каждый сельсовет в конечном итоге будет падать небольшое количество взысканий), сможет исполнять решения по алиментным и мелким трудовым делам. Такое решение, нам кажется, полностью изживет одну из серьезнейших болячек исполнительного производства на селе.

Неудобства обращения взыскателей мелких сумм к судисполнителю на селе всем известны.

Поэтому вполне целесообразно было бы передать сельсоветам взыскания не только по алиментным делам, но и вообще по всем делам до 25 руб.

Особо следует остановиться на взысканиях с земобществ. Если у последних имеется имущество, то взыскание не представляет каких-либо затруднений. Но гораздо хуже обстоит дело, когда за отсутствием общественного имущества приходится взыскание производить с входящих в состав ответчиков дворов. Иногда с каждого двора причитается сумма, выражающаяся в несколько копеек. Исполнение таких решений непроизводительно отвлекает у судиспа огромную массу времени, тогда как сельсовет имеет возможность без особых затруднений производить такие взыскания.

Таким образом, теперь вполне своевременно поставить вопрос о возложении на сельсоветы обязанностей производства взысканий: а) по алиментным делам; б) по искам до 25 руб. включительно (в том числе и по трудовым делам), и в) с дворов, входящих в состав земобществ по долгам последних, за исключением, конечно, тех случаев, когда согласно прим. к ст. 50 З. К. сельсовет выполняет обязанности выборного органа земобщества.

Мероприятия, направленные к поднятию авторитета судисполнителя.

Вероятно никто не станет оспаривать то совершенно очевидное положение, что судиспы у нас неавторитетны, или же, в иных случаях, малоавторитетны в глазах широких слоев населения. В известной степени это вызывается наличием того „ореола“ волокиты, которым окружены судиспы. Население привыкло к тому, что, передав исполнительный лист судиспу, нужно всячески подталкивать судиспа, чтобы решение было исполнено, а сплошь и рядом прибегать к подачам жалоб на медленность действий судиспа. Конечно, такое явление ни в малейшей степени не может способствовать созданию авторитета судисполнителя.

Создание судиспам нормальных условий работы повлечет за собой и ускорение производства и естественно тем самым в известной степени поднимет авторитет судисполнителей. Но этого мало. Для достижения наилучших результатов в этом направлении необходимо, чтобы сам закон, касающийся области исполнения судебных решений, содержал в себе предпосылки для создания авторитетности исполнительного аппарата, чего, к сожалению, у нас нет.

Вступившее в законную силу решение должно быть обязательным актом для сторон, с которыми последние должны считаться как с законом, изданным властью. Всякого рода изощрения, направленные к уклонению от выполнения этого предписания власти, должны рассматриваться, как социально-опасные деяния, преследуемые в уголовном порядке.

Наш УК стал на такую точку зрения почему-то только в отношении алиментных дел (158 ст.). Правда, здесь ударение сделано в сторону защиты интересов детей.

Между тем, практика знает массу случаев прямо-таки издевательского отношения должников к решению суда и личности судиспа при исполнении других решений. Примеры: должник, скот которого должен быть продан с торгов, дабы сорвать последние, угоняет его ко дню торгов на пастбище за несколько десятков верст; должник, дабы не платить по решению после вынесения его, продает имущество, или совершает фиктивный раздел и т. д.

Хотя в известных случаях на таких должников можно оказать меры воздействия и гражданско-правового характера (например, путем предъявления иска о признании сделки, как фиктивной, и действительной), но все это не лишает учиненных должником действий социально-опасного характера.

Ввиду этого весьма целесообразно было бы включение в Угол. Кодекс самостоятельной статьи (в разделе „иные преступления против порядка управления“), карающей: а) уклонение от исполнения решения суда путем умышленного сокрытия, раздела, передачи, продажи имущества после состоявшегося решения; б) уклонение от выдачи исполнительному органу описанного им или проданного с торгов имущества, если в деинии отсутствуют признаки присвоения названного имущества (168 ст. УК); в) дачу должником неверных сведений об имущественном положении или заработке с целью уклонения от взысканий.

Одним из способов затяжки исполнения решения со стороны должников является широко практикуемое уклонение от личной явки к судиспу по вызову последнего в тех случаях, когда за отсутствием имущества и сведений об источнике и размере заработка судисп вынужден требовать личной явки должника для выяснения указанных вопросов. Часто многократные вызовы остаются без ответа, ибо должник знает, что по отношению к его личности принудительных мер в распоряжении судиспа не имеется.

Но почему, например, милиционер, производящий дознание, имеет право привода как свидетеля, так и обвиняемого? Потому, скажут, что уголовный процесс имеет своим назначением защиту публичных интересов. Правда, гражданский процесс не знает, как правило, привода ответчика. Такой принцип вполне понятен и уместен в стадии судебного разбирательства. Личный интерес ответчика сам по себе является стимулом явки его в судебное заседание. Упорная неявка его в суд может в неблагоприятную сторону отразиться на исходе дела. Поэтому, при наличии такого стимула неразумно и бесцельно было бы допускать привод ответчика в суд, за исключением ограниченной категории дел (например, алиментных, где неявка может в сильнейшей степени нарушать интересы ребенка).

В совершенно иных условиях находится должник в исполнительный стадии процесса. В суде он уже проиграл дело. Ему остается лишь выполнять вынесенное судом решение не в его пользу. Он заинтересован не в действии исполнительного органа, а, наоборот, в бездействии. Если в распоряжении суда имеется сильное орудие для уклоняющегося ответчика—рассмотрение дела в его отсутствие, то аналогичное, равноценное орудие в руках судиспа отсутствует, если у должника нет имущества, на которое можно было бы обратить взыскание, а источники его средств к существованию не поддаются выявлению без его, должника, помощи. Но разве не раз-

умно и непоследовательно было бы считать такого должника, водящего за нос судебного исполнителя, нарушающим публичный интерес, как законодатель считает нарушающим указанный интерес неявляющегося без уважительных причин к допросу свидетеля или обвиняемого по уголовному делу. Приведенных соображений, нам кажется, вполне достаточно, чтобы прийти к выводу о необходимости дополнения ГПК статьей, допускающей привод должника к суду.

Устранение множественности контроля за исполни- тельными дей- ствиями.

В настоящее время взыскатели приносят жалобы на медленность действий судисполнителя председателю окрестного, участковому прокурору, окружному прокурору и нарсудье. Бывают случаи, когда жалобщик пишет сразу всем указанным органам. В результате многие судиспы едва успевают писать объяснения по каждому запросу, что крайне тормозит их работу. Поэтому весьма целесообразно было бы дополнить 270 ст. ГПК указанием на то, что жалобы на медленность судиспов приносятся только в нарсуды.

Таков круг назревших ныне мер, осуществление которых вызывают требования самой жизни.

Судисп, поставленный в надлежащие условия работы в техническом отношении, судисп с уточненным кругом обязанностей и авторитет которого со всей решительностью должен быть поднят,—вот принципы, которые должны лечь в основу мероприятий по упорядочению работы этого института, и при реализации их отойдет в область предания тот образ волокиты, с которым связано название судиспы сегодняшнего дня.

Председатель Донского

Окружного Суда *Островский*.

г. Ростов-на-Дону.

Работа прокуратуры в деревне в 1927 году.

[По отчетам губпрокуроров и по данным ревизий].

Общее направление работы в деревне.

Одно из главнейших мест в деятельности прокуратуры в 1927 г. занимает работа в деревне. Мы можем констатировать дальнейший, в сравнении с 1926 г., количественный и качественный рост этой работы. Целый ряд недочетов, отмеченных в работе в деревне в 1926 г.,—универсализм, ревизионный уклон, поверхностность обследований, производимых при выездах в деревню,—в 1927 г. в значительной мере устранены. Работа принимает более планомерный, более систематический и углубленный характер. Положительные результаты работы прокуратуры в деревне в 1927 г. сказались в том, что, благодаря осуществлению ею надзору за низовыми органами власти на селе (вики, сельсовет, милиция, земкомиссии и т. д.) путем выездов на места, обследований и т. п., удалось в известной мере укрепить ревзаконность в деревне, изжить до известной степени в деятельности этих органов административный произвол, превышение своих прав, нарушение ими ряда важнейших декретов Советской власти; известные достижения имеются и в области выправления линии административной репрессии. Нужно подчеркнуть еще и то, что, в отличие от 1926 г., когда работа в деревне выражалась главным образом в обследовании и связи с верхушечным аппаратом деревни (волостные органы) и в очень слабой степени была налажена непосредственная живая связь с массами,—в 1927 г. на первый план все больше выдвигается именно это непосредственное живое общение с массой с одной стороны, и с другой — на фоне общей формулы работы в деревне:

«охрана революционной законности» более четко ставится задача активной защиты классовых интересов бедноты и батрачества (борьба с открытыми и замаскированными формами эксплуатации со стороны кулаков при найме рабочей силы, борьба с кабальными сделками на землю и т. д.).

В своих директивных письмах по работе в деревне от 5 января 1927 г. Прокуратура Республики, подытоживая проделанную работу в 1926 г., выдвигает ряд организационных требований, направленных к улучшению работы: более строгое выполнение намеченных планов, загрузка на 100% каждого выезда в деревню, улучшение качества обследований и т. д. Но основным требованием, задачей, выдвигаемой на 1927 г. для того, чтобы «работа в деревне не превратилась в чисто бюрократическую, формальную, поверхностную проверку канцелярского производства, для того, чтобы прокуратура смогла заглянуть вглубь реальных жизненных отношений, как они сложились в деревне» ставится «проведение в деревне чисто политической работы: обследовательская деятельность должна сочетаться с непосредственным сношением лиц прокурорского надзора при их объездах с массой крестьянского актива». Директивные письма прямо указывают, что «большую помощь в работе в деревне могут оказать, несомненно, общественные организации деревни: ячейки партии и комсомола, квок, рабочкомы, профсоюзы Всеработземлеса и т. п., установление тесной связи с которыми является очередной задачей». Соответственно предлагается изменить и методы работы: вместо прежней связи, преимущественно с волостной верхушкой, предлагается параллельно с обследованием волостных и сельских органов связаться с массой путем: а) докладов и бесед с крестьянами; б) приема здесь же от них жалоб и заявлений и рассмотрения их; в) докладов на расширенных заседаниях президиума вики с участием деревенского актива, где прокурор информирует вику и население о состоянии ревзаконности в волости и т. д. В области охраны интересов батрачества и бедноты выдвигается требование усиления правовой пропаганды прокуратуры среди этих слоев деревни и уделения особого внимания при обследованиях вики и сельсоветов вопросам регистрации и проверки ими (виками, сельсоветами) существа заключаемых арендных и трудовых договоров; проверки активных и вики, сельсоветов, сельхозтрудинспекции в выявлении кабальных и замаскированных договоров на землю и при найме рабочей силы; требование углубленного обследования прокуратурой работы примирительных комиссий, обследования быстроты продвижения в судах батрацких дел, дел о кабальных арендных (на землю) договоров и правильной классовой линии при их разрешении и т. д.

1927 г. знаменуется общим сдвигом по всем этим направлениям, но полностью эти задачи, как мы увидим ниже, разрешены по ряду причин не были.

Развитие работы в деревне.

Рост и развитие работы в деревне в 1927 г. характеризуется следующими данными:

П Е Р И О Д Ы	Число выездов	
	в деревню	Проведено дней в деревне
1 пол. 1926 г.	3950	8028
2 пол. 1926 г.	4048	
1 пол. 1927 г.	4288	8876
2 пол. 1927 г.	4088	
		17972
		18974
		23166
		21956
		36946
		45122

Таким образом, 1927 г. дает значительный рост числа дней, проведенных в деревне, что является, несомненно, большим плюсом.

По 12 автономным национальным областям было сделано в 1927 г. 623 выезда в деревню, проведено 3584 дня, что составляет 5,7 дня на 1 выезд.

Данные о числе дней, проведенных в деревне, по отдельным губерниям, показывают в большинстве случаев значительное, а в ряде случаев даже резкое увеличение

этого числа в 1927 г. по сравнению с 1926 г. Лишь в отдельных случаях мы видим обратное явление.

Омечим еще, что 2-е полугодие 1927 г. дает в ряде губерний некоторое снижение размеров этой работы против 1 полугодия 1927 г. (Курск, Тамбов, Саратов, Владимир, Москва и т. д.).

Объяснение этого явления следует искать в ряде причин. Так, тамбовский прокурор видит причину в недокомплекте штата, в текучести и передвижках личного состава. Нижегородский прокурор объясняет отпуском периодом. Московский прокурор считает это явление сезонным, так как в июле и августе крестьяне заняты на полевых работах, и это, естественно, вызывает сокращение выездов. Владимирский прокурор объясняет «категорическими директивами об улучшении качества работы в деревне и уплотнением времени, проведенного там». Нет сомнения, что в известной степени здесь сказались и происходившая в конце 1927 г. дискуссия о дальнейших перспективах работы прокуратуры в деревне.

Работе в деревне на местах уделяют большое внимание. Она проводится систематически, в плановом порядке (хотя намечаемые планы далеко не всегда проводятся на все 100%). Вследствие большего опыта в проведении этой работы, большего уточнения методов ее проведения, более рационального использования каждого выезда — работа проходит успешней, чем в 1926 г., по крайней мере в части обследовательской. Подготовка к выездам производится более тщательно. В большинстве случаев выезжающие товарищи снабжаются тезисами для выступлений. Тульский прокурор указывает, что «к каждому выезду пом. прокурора тщательно готовятся, захватывая с собой в деревню тот материал, который не получил разрешения в камере». «Налетный» характер выездов в деревню, как правило, места не имеет. Лишь в единичных случаях мы констатируем «отбывание этой повинности» кое-кем из отдельных работников прокуратуры. Так, Московский прокурор в своем отчете сообщает: «Как исключение, можно привести практику одного из уездных пом. прокурора, который в течение всего отчетного периода произвел 13 посещений волостей, при чем 6 „выездов“ приходилось на пригородную волость, центр которой находится в самом уездном городе и куда „выезжать“, стало быть, не приходилось, остальным же волостям, наиболее отдаленным, либо совсем не уделялось внимания, либо посещались они по разу в год».

В ряде мест применяется метод заблаговременного оповещения населения через вики и сельсоветы о приезде прокурора, что в результате содействует улучшению связи прокурора с массами. Помимо волостных центров, при выездах обязательно посещались 1—2 села. Нередко, помимо своей собственной работы, прокурор выполняет в деревне задания партийного и общесоветского (от исполкомов) порядка.

Выезды, как правило, стали более продолжительными: в среднем по Республике в 1926 г. приходилось 4,5 дня на каждый выезд, в 1927 г. — 5,6 дня. Однако, норма, установленная НКЮ (10 дней в месяц в деревне на каждого участкового прокурора и 18 дней на те участки, где имеются два работника) все же в значительном числе случаев остается невыполненной: здесь сказывается и отсутствие достаточных средств и текучесть личного состава, сложность и множественность других объектов работы, падающих на участковую камеру, внеплановая работа и т. д. Все же в связи с тем значением, какое имеет работа в деревне, необходимо настаивать на выполнении этой нормы в будущем.

Следует отметить, что при больших расстояниях в ряде районов немалая часть времени уходила при выездах на проезды, что, естественно, сокращало время „полезной“ работы.

Распределение времени, проводимого в деревне по отдельным объектам работы, показывает как правило — больше всего времени уходило на обследовательскую деятельность (при большой уплотненности рабочего дня) и гораздо меньше времени оставалось на непосредственное общение с массой (беседы коллективные и индивидуальные, вечера вопросов и ответов и т. д.), что являлось несомненно отрицательным моментом. Курский прокурор, например, прямо пишет: «Основная установка в работе оставалась „равнение“ на вики и сельсовет, поэтому на практике получалось, что помощник прокурора имел возможность только обследовать вики и в лучшем случае — сельсовет, а для глубокой массовой работы у него

не было времени, да и незнакома была эта работа. Кроме случайных докладов на сходках, других способов расшевелить массу и вызвать ее на „откровенность“, как общее правило, не применялось».

Так, например, помощник прокурора по Коломенскому уезду, Московской губернии, пишет:

«На обширное обследование низового аппарата в каждом случае требовалось минимум трое суток по 10 рабочих часов без составления актов, вследствие этого общественная работа в деревне имела второстепенное значение. Доклады проводились в позднее время суток, в виду чего наблюдалась слабая посещаемость и следовательно не было возможности осуществить линию широкого общения с массами».

Именно этим обстоятельством объясняется то, что, достигнув известных результатов в своей работе на одном участке: борьба с нарушениями ревзаконности в деятельности вилок и отчасти сельсоветов, прокуратура далеко недостаточно сделала в 1927 году на другом участке — защиты интересов бедноты и батрачества.

Обследования органов низового соваппарата.

Обследования низовых органов власти давали возможность прокуратуре отменять целый ряд незаконных постановлений этих органов, действовавших в момент обследования. Проводившаяся при этом разъяснительная, инструктивная работа в определенной мере содействовала повышению квалификации работников этих органов. Это последнее обстоятельство особенно важно потому, что вышестоящие исполкомы в области инструктирования работников низового советского аппарата делали мало, целый ряд отчетов местных прокуроров об этом говорит, как говорит об этом и ряд ревизий и обследований, произведенных Прокуратурой Республики.

Так, например, тульский губпрокурор в своем отчете за 2 полугодие 1927 года сообщает: «При обследовании сельсоветов обнаружено полное отсутствие инструктирования сельсоветов со стороны ответственных работников риков».

Прокурор Московский губернии, говоря о связи уч. прокурора с органами риков, пишет: «Ненормальность положения заключалась исключительно в том, что работу, являющуюся непосредственной обязанностью орготдела уиков, проводила вместо последних прокуратура, и без того перегруженная работой».

Следующая таблица характеризует состояние обследовательской работы прокуратуры в деревне в 1927 году по сравнению с предыдущим годом.

За какой период	Всего обследовано	Обследовано низовых органов					
		Вилок	Сельсоветов	Волземкомиссий	Волилий	Нар. судов	Прочих
2 полугод. 1925 г.	6 374	1.250	1.879	825	1.443	Нет св.	620
1 полугод. 1926 г.	10.735	1.725	2.815	1.587	2.067	1.588	953
2 полугод. 1926 г.	13.393	1.897	3.734	1.914	2.393	1.677	1.778
1 полугод. 1927 г.	12.050	1.824	4.292	1.892	2.523	1.519	Св. нет
2 полугод. 1927 г.	11.921	1.696	4.405	1.719	2.566	1.535	Св. нет

Таким образом, из этой таблицы вытекает, что общее количество произведенных обследований низовых органов власти за 3 полугодия — систематически падает, несмотря на то, что общее число выездов в деревню увеличилось. Объяснения такого положения вещей следует искать, во-первых, в том, что сами обследования стали носить более глубокий характер и отнимают большее количество времени; во-вторых, это падение произошло, главным образом, за счет уменьшения обследований таких органов низового советского аппарата, которые к вопросам ревзаконности отношения не имеют.

Прокурор Тверской губернии сообщает: «Почти полностью изжит ревизионный уклон, разбросанность в объектах».

Об этом сообщает и ряд других прокуроров.

Однако, было бы неправильно утверждать, что обследование таких органов, как ветпункты, школы, кооперации и т. п. уже повсеместно прекращено. Еще есть некоторые, правда, немногочисленные, районы, где в 1927 г. обследования этих органов продолжались; нужно только

отметить, что зачастую эти обследования вызывались желанием увязать работу прокуратуры среди бедноты и батрачества с работой органов, обслуживающих бедноту и батрачество — ккками, страхкассами, кооперацией и т. п.

Из приведенной выше таблицы вытекает еще одно весьма положительное явление: несмотря на общее падение числа обследований, охват прокуратурой своим надзором сельсоветов все время абсолютно и относительно расширяется, так:

	Абсолют.	Относит.	
1 полугод. 1926 г. обслед. с/советов	2.815	26,2%	всего числ. обследований
2 " 1926 г. " "	3.784	27,6%	" " "
1 " 1927 г. " "	4.292	85,6%	" " "
2 " 1927 г. " "	4.405	86,6%	" " "

Такое положение вещей вполне понятно. Ведь вся предыдущая обследовательская работа прокуратуры в деревне должна была привести к тому, что соблюдение революционной законности со стороны виков значительно усилилось и прокуратура получила возможность вследствие этого усилить свое наблюдение за соблюдением революционной законности со стороны с/советов.

В связи с обследованиями сделано докладов на волостных и районных съездах и конференциях, на заседаниях виков и риков и т. д.

В 1926 году—2.341.

В 1927 году—3.814.

Помимо этого, в некоторых случаях выводы обследований обобщаются прокуратурой и на основании этих обобщений вышестоящие органы власти принимают меры к устранению дефектов, обнаруженных обследованием. Об этом говорят ревизии Брянской, Воронежской губерний, Сев.-Кавказского края и ряд отчетов с мест.

Все это, естественно, способствует улучшению работы низового аппарата на селе.

В дальнейшем необходимо построить работу так, чтобы охватить обследованием именно те сельсоветы, вики и т. д., которые в области соблюдения ревзаконности больше всего вызывают нарекания населения; в зависимости от тех конкретных данных в состоянии ревзаконности в данном районе, которые имеются в прокуратуре, в частности, в зависимости от количества и характера жалоб, поступающих от крестьян на действия низовых органов власти, прокурор решает вопрос, производить ли обследование данного сельсовета, вика или нет.

Крестьянские жалобы и борьба с нарушениями ревзаконности в деревне.

Поступление крестьянских жалоб в 1927 г. в прокуратуру рисуется в следующем виде:

	При выезде в деревню	Рассмотрено в губ. и уч. камерах.
1 пол. 1926 г.	13879—15,8%	71064—84,2%
2 " 1926 г.	14702—15,6%	77825—84,4%
1 " 1927 г.	21285—21%	79807—79%
2 " 1927 г.	21804—21%	77835—79%

Таким образом, хотя количество крестьянских жалоб, принятых прокуратурой непосредственно при выездах, значительно меньше числа жалоб, принятых в губ. и уч. камерах, однако в отчетном году следует отметить, наряду с общим ростом крестьянских жалоб, значительный рост первого вида жалоб.

Объяснение этого обстоятельства, помимо возросшей активности сельского населения, кроется также и в намечившемся в 1927 году усилении живой связи прокуратуры с широкими слоями крестьянства.

Анализируя поступление в прокуратуру жалоб крестьян, необходимо отметить до поразительности низкий процент жалоб, поступивших от батраков:

В 1 пол. 1927 г.	2847—2,8% всех крестьянских жалоб,
2 " 1927 г.	2924—2,9% " "

Такое ничтожное обращение батраков с жалобами в прокуратуру отнюдь не является доказательством того, что в отношении батрачества в селе все обстоит благополучно. Наоборот, в этой области достижений очень мало. Основной причиной такого ненормального положе-

ния является недостаточная активность батрачества в отстаивании своих прав и недостаточная работа, проводимая в этом отношении среди батрачества союзом сел.-хоз. рабочих, органами Наркомтруда и прокуратуры.

Помимо указанного выше числа жалоб, принятых прокуратурой от крестьян, в прокуратуру поступило в 1 полугодии 1927 года—5388 и во 2 полугодии—6042 жалобы от красноармейцев, в подавляющем большинстве являющихся также по существу крестьянскими жалобами (на непредоставление тех или иных льгот семьям красноармейцев, главным образом). Жалобы в значительной степени характеризуют состояние ревзаконности на местах.

Отдельного учета характера поступающих крестьянских жалоб нет (такой учет ведется в отношении всех групп жалобщиков). В основном жалобы крестьян подаются на волокиту и медленность в действиях разного рода органов, в особенности в исполнении судебных решений по алиментам, на лесные и земельные органы, на административные взыскания, кабальные сделки, нарушение законов в финансово-налоговой области и т. п. Среди всех этих групп обращает на себя внимание весьма незначительное количество жалоб на кабальные сделки: всего 844—в 1 полугодии и 700—во 2 полугодии. Причиной такого положения вещей являются, с одной стороны, трудности выявления кабальных сделок при пассивности пострадавшей от сделки стороны и, с другой—бездеятельность виков и сельсоветов при регистрации договоров в смысле выявления кабальных отношений.

Из общего количества принятых при выезде жалоб значительное количество тут же на месте рассмотрено и удовлетворено: в 1 пол.—73,3% и во 2 пол.—76,3%.

Борьба с беззакониями в низовом советском аппарате в результате обследований и расследования жалоб характеризуется следующими данными:

	Привлечено к угол. дисциплин. ответств.		Привлечено к угол. дисциплин. ответств.
1 пол. 1926 г.	11410 1541	1 пол. 1927 г.	6390 2198
2 " 1926 г.	8846 1894	2 " 1927 г.	4409 2006

Из этих данных можно сделать вывод, что борьба прокуратуры с беззакониями в низовом советском аппарате дает некоторые положительные результаты, так как систематическое падение числа лиц, привлеченных к ответственности, свидетельствует о том, что низовой аппарат допускает в настоящее время меньше нарушений, чем это было в предыдущие годы.

Рассматривая данные о том, работники каких низовых органов привлекались в 1927 году к ответственности, мы имеем:

	1 пол.	2 пол.
Работников РИК'ов и ВИК'ов	919	725
" сельсоветов	1700	1920
" кооперации	2519	1917
" прочих органов	3445	2376

Нарушения, за которые привлекались эти работники, следующие:

	1 пол.	2 пол.
Привлечено за растрату	3053	2200
" превышение власти	724	420
" прочие должностные прест.	4728	3660

Таким образом, растрата составляет главный вид преступлений, совершаемых низовым советским аппаратом. В этом отношении характерны данные, полученные в результате изучения должностных преступлений низового советского аппарата по делам, прошедшим через суды. Так, в Ульяновской губернии должностные преступления совершены: в ВИК'ах 4,1%, сельсоветах 27,6%, кооперативах 34,2%, милиции 9,4%, лесничествах 12,6%, страх. ведомств 4,1%, почтовом 2,4%, профсоюзках, 1,2%, разн. хоз. предпр. в деревне 4,1%, итого 100%.

Таким образом, на первом месте по количеству преступлений стоят кооперативы, за ними сельсоветы, далее лесничества, ВИК'и, страховое ведомство и разные хозяйственные предприятия в деревне.

По характеру же преступления распределяются: злоупотребление властью (109 ст. УК) 4,5%, превышение власти (110 ст. УК) 1,6%, халатность и бездействие власти (111 ст. УК) 16%, дискредитирование власти (113 ст. УК) 6,6%, растрата (116 ст. УК) 62,8%, взятка (117 и 118 ст.ст. УК) 4%, служебный подлог (120 ст. УК) 4,1%, прочие (114 ст. УК) 0,4%, итого 100%.

Такие же данные получены и по Сибири, Вятке и Тамбовской губ.

¹ В этой графе за невозможностью выделить из статистичности поступившие в губ. и уч. прокуратуры исключительно крестьянские жалобы, приведены только рассмотренные крестьянские жалобы. Однако, общий остаток жалоб незначителен и сумма двух приведенных граф весьма близка к числу поступивших крестьянских жалоб.

Нередко нарушения ревзаконности являются следствием неопытности работников низового аппарата, незнания ими законов, а не злого умысла.

Прокурор Ленинградской области по этому поводу пишет:

„Обследование Ситенского и Дубровского сельсоветов показало, что ни сельсоветы ни тем более население не знакомы с распоряжениями Правительства. Например, сельсоветы не знают о своих правах и обязанностях по участию в земельных спорах, не знают и не читали инструкции о разделе двора. В Дубровском сельсовете не оказалось Временных Правил, регулирующих наем подсобной рабочей силы в крестьянском хозяйстве. Поэтому вполне понятны случаи нарушения законов не по злой воле, а по незнанию“.

Прокурор Саратовской губернии, приводя характерные нарушения ревзаконности в низовом аппарате Саратовской губернии, в своем отчете пишет:

„Основной причиной указанных выше нарушений является элементарная неграмотность низового аппарата и отсутствие в нем самых необходимых законодательных материалов“.

Прокурор Вологодской губернии отмечает:

„Необходимо указать, что эти нарушения в своем большинстве не являются особо грубыми или допущены с намерением, а происходят, главным образом, по причине слабой подготовленности работников, неусвоения ими и невнимательности их к изучению законодательных распоряжений и указаний вышестоящих органов“.

Можно было бы привести еще и другие примеры, но и этих достаточно для того, чтобы подтвердить соображение о том, что прокуратура в отчетном году в области борьбы с нарушениями ревзаконности в деревне меньше сталкивалась со злостными нарушителями законов и что необходимо поэтому во всю ширь поставить вопрос об усилении работы орготделов уиков и тиков в смысле инструктирования и поднятия квалификации работников низового советского аппарата.

Поскольку нарушение ревзаконности заключается не только в совершении уголовных преступлений работниками низового аппарата, но и в нарушениях ими, вследствие незнания, действующих законоположений, постольку и борьба с нарушениями законности ведется не только путем репрессивных мер: одним из самых существенных методов борьбы за ревзаконность является опротестование незаконных постановлений, вызывающих нередко справедливые нарекания и недовольство населения.

Проделанная в этом отношении работа характеризуется следующим: опротестовано незаконных постановлений вигов и сельсоветов:

в 1926 году . . .	15.566
„ 1927 „ . . .	25.011

В Вятской губернии протесты на постановления вигов и сельсоветов составляют 93% протестов, поданных на постановления всех органов власти губернии, в Сибкрае—86%, в Пензенской губ.—86,4%, Ульяновской губ.—92%, в Курской губ.—96% и т. д.

В качестве иллюстрации этих нарушений можно привести следующие постановления:

1. Титовский вик, Н.-Ломовского уезда, Пензенской губернии, воспретил гражданам без особой надобности посещать ст. Титово.

2. Салазгорский вик, Беднодемьянского уезда, Пензенской губернии, обязательно постановлением воспретил гражданам, в целях борьбы с эпидемией тифа, выезд на базар, ночевку на постоялых дворах, посещение чайных, ресторанов и увеселительных мест, а также продажу носильного платья.

3. Дмитровский сельсовет, Тангинского района, Иркутского округа своим постановлением обязал заведующего фельдшерскими пунктами „на ночь домой не ходить, а находиться при пункте“, чтобы при несчастных случаях больной имел возможность обратиться за помощью на фельдшерский пункт.

4. Егорлицкий сельсовет, Терского округа, рассмотрел 128 заявлений граждан о предоставлении земли.

5. Падоринский сельсовет Курганского округа заслушал на своем заседании доклад о деятельности церковного совета.

6. Петропавловский сельсовет, Терского округа, постановил не оказывать медпомощи лицам, лишенным избирательных прав, и лицам, пришедшим из других районов.

7. Гр. д. Пастуховской, Тюменского округа, постановили налагать штраф в размере 5 р. на каждого гостя, приезжающего в деревню на праздник богородицы, праздновать который они отказались.

8. В Бежицком вики, Брянской губернии, при обсуждении вопроса о взыскании недоимок по обязательному страхованию постановлено: в ряде случаев за недоимки в 3—8 руб. изъять самовары стоимостью в 15—20 руб., швейные машины стоимостью 40—50 р. и т. п.

9. Наряду с этим на местах еще до сих пор отмечается ряд нарушений законов, носящих явно бюджетный уклон.

Бийский окружной прокурор в своем отчете Сибирскому краевому прокурору пишет: „Характерными для сельсоветов нарушениями являются обложение на покрытие задолженности сельсовета, обложение на содержание выборных уполномоченных, наложение штрафов за самовольную порубку леса, за невыполнение нарядов по землеустройству, за неявку на собрания и за неразрешенную торговлю продуктами сельского хозяйства. В числе других нарушений имеется вмешательство сельсоветов в дела земельных обществ, например, отвод усадебных мест, установление штрафа за сдачу в аренду земли гражданам других селений“.

Ульяновский губпрокурор, перечисляя характерные нарушения ревзаконности, указывает на „механическое наложение взысканий на нарушителей 85 ст. УК (лесопорубки) без соответствующего выявления их имущественного положения“, в результате этого всех нарушителей стригут под одну гребенку и штрафуют в трехкратном размере“.

Общая оценка состояния революционной законности.

Давая оценку общего состояния революционной законности в деревне, следует отметить, что, несмотря на допускаемые органами низового советского аппарата многочисленные нарушения, все же в отчетном году может быть констатировано некоторое укрепление таковой. Это объясняется, с одной стороны, усилением обследовательской и вообще надзорной деятельности прокуратуры в отношении низовых органов власти, а с другой—некоторым усилением деятельности и орготделов исполкомов; в результате—низовой советский аппарат в известной части стал квалифицированнее, стал допускать в своей деятельности меньше нарушений. Целый ряд отчетов местных прокуроров подтверждают это положение. Так, прокурор Сибирского края в отчете за 2-е полугодие 1927 г. пишет: „Приступая к вопросу о состоянии революционной законности на основании данных обследований, просмотра обязательных постановлений и постановлений вигов, а также постановлений сельсоветов, можно отметить, что отмеченный в прошлом отчете сдвиг в сторону восприятия низовым советским аппаратом начал рев. законности не остановился и в отчетном полугодии“.

„Низовой аппарат стал лучше, и более соблюдает ревзаконность, хотя случаев нарушения ревзаконности имеется на низах еще довольно много“,—сообщает прокурор Пензенской губернии.

Прокурор Северо-Кавказского края пишет: „В отношении нарушений закона, допускаемых самими низовыми органами власти в их административной деятельности, можно отметить несомненное улучшение. Формы этих нарушений остаются те же, но количество их заметно сокращается“.

Однако, несмотря на общее улучшение состояния революционной законности в деревне, следует сказать, что положение в этой области еще далеко неблагоприятно, в особенности в тех областях, где вопросы классовых интересов бедноты сталкиваются с интересами кулацких слоев деревни. В ряде случаев низовой аппарат не только не стремится повысить активность бедноты, для того, чтобы она реагировала на всякое нарушение ее прав со стороны имущих слоев, но даже в тех случаях, когда бедняк или батрак обращается за помощью в сельсовет или вик, он встречается там пассивно-бюрократическое отношение и ничем не оправдываемый бездушный формализм, прикрытый, якобы, законом; активность кулацкой части деревни иногда не встречает противодействия в своих эксплуататорских стремлениях со стороны низового аппарата. Происходит это в большинстве случаев вследствие непонимания и незнания работниками вигов

и сельсоветов законов, но бывают случаи, когда это является делом затесавшихся в сельсовет кулаков или их прихвостней.

Курский прокурор, например, сообщает: „Обследования сельсоветов показали, что в области борьбы с кабальностью налицо полнейшая бездеятельность: происходит в буквальном смысле штампование договоров“. В этом же духе пишет и Московский прокурор: „Работа низовых органов соввласти по защите трудовых прав деревенской бедноты очень слаба. Сельсоветы и вики не ведут полного учета батрачества и не выявляют всех хозяйств, пользующихся порой в скрытых формах наемным трудом. Регистрация трудовых договоров в большинстве случаев проводится механически, без надлежащей проверки содержания и существа договора“. Такую же характеристику дают прокуроры Сев. Кавказа, Урала и т. д.

Прокурор 2 уч. Кубанского округа в акте обследования сельсовета в ст. Федоровке пишет: „Для регистрации земельных договоров по сдаче земли в аренду в Федоровском сельсовете имеется книга, в которой зарегистрировано с января по сентябрь 14 договоров (всех договоров в станице 350), преимущественно сдают землю бедняки; малое количество регистрации договоров объясняется тем, что беднота сдает землю, но не регистрирует такую“.

А прокурор Северо-Кавказского края пишет: „Нет сомнения, что в регистрационных книгах сельсоветов отражается лишь самая незначительная часть кабальных отношений, которые кроются в скрытой аренде. Такая аренда служит прежде всего способом уклонения зажиточного арендатора от уплаты с.-х. налога за арендованную землю“. Для иллюстрации он приводит следующие примеры:

„В Армавирском округе имел место случай сдачи в аренду земли только за доставление сдатчика до ближайшей станции; в Сальском округе 10 дес. сданы за то, что арендатор засеет одну десятину в пользу сдатчика; 24 десятины сданы батрачкой на 3 года за 50 руб. Сдано батраком зажиточному крестьянину 15 дес. на 2½ года с уплатой за 1 год 11 руб. деньгами, а за остальное время ¼ урожая при условии предоставления сдатчиком семян и уборки его же силами урожая. Все эти договоры были зарегистрированы в сельсовете. В Смоленской губернии бедняк Шаров заключил договор о сдаче им в арендное пользование земли, но после заключения договора по неизвестным причинам отказался передать арендатору землю. Последний обратился в вик, который дал распоряжение в принудительном порядке передать землю арендатору, согласно договора, и без выяснения причин невыполнения такового бедняком.“

Имеют место случаи продажи земли и регистрация таких договоров в сельсоветах.

Здесь можно было бы привести еще неисчерпаемое количество примеров того, как хозяйственные процессы деревни, в обход всяких советских законов, не контролируются соворганами деревни. Не лучше обстоит дело и с охраной труда батрачества. Прокурор Сибирского края, говоря об охвате батраков трудовыми договорами, пишет: „Охват этот весьма незначителен, достигающий, по сведениям Минусинского округа, не более 25—30% батрачества. Обстоятельство это объясняется, с одной стороны, слабостью работы профсоюзных органов, а, с другой — нежеланием со стороны самого батрачества заключать договора“. В качестве иллюстрации этот прокурор приводит следующие данные о соотношении между числом работающих батраков и зарегистрированных договоров найма: с. Шушенское — имеют договоры — 35% батраков, с. Карапуз — 14%, с. Шелаболино — 66%, с. Шамино — 39%, с. Табост — 22%.

Но больше того, в некоторых случаях, когда эксплуататорские тенденции нанимателей встречают сопротивление батрака, этот последний не только не находит поддержки сельсовета или рика, но последние иногда становятся на сторону нанимателя или длительное время задерживают рассмотрение конфликтных дел в примирительных комиссиях. Так, например, в Ульяновской губернии прокуратура возбудила уголовное преследование против кулака Кроткова Павла за то, что он в течение 4-х лет эксплуатировал батрака и уволил его, не заплатив. Оказывается, что кулак нашел защиту в лице двух сельсоветов, выдавших ему следующие удостоверения: „Удостоверение настоящее дано т. Короткову, Павлу Егоровичу, в удостоверение того, что Коротков и его

члены семьи в праздничные дни работы не производят и временно проживающий Худяков в праздничные дни не принуждался. Худяков пользовался днем отдыха в полном согласии и законности“.

И второе удостоверение другого с/совета: „Гр-н Худяков (батрак), в виду бедного состояния, проживает в селе Комаровке, не как работник, а у своей тетки Коротковой, что и удостоверяется“.

Вот как характеризует примирительные комиссии Курский прокурор. Отмечая, что „положение батрачества неприглядное“, он пишет: „Примирительные комиссии, благодаря своей бездеятельности, почти что потеряли авторитет, а те, которые еще рассматривают конфликтные жалобы, то кроме, как вреда для батрачества, ничего не приносят, ибо 80% жалоб остаются не примиренные, и батрак после (в среднем 1 месяц) этого разбирательства должен идти в суд, в котором также должен ожидать порядочную очередь“.

Прокурор Карачаевской Автономной Области указывает на „отсутствие регистрации аренды земли в большинстве сельсоветов и полную бездеятельность примирительных комиссий“. Ингушский прокурор отмечает: „Примирительные комиссии существуют как исключение, но батраки, даже при наличии их, предпочитают обращаться непосредственно в нарсуды“. Московский прокурор пишет, что „несмотря на рост хозяйств, применяющих наемный труд, количество дел в примирительных комиссиях не возрастает и попрежнему исчисляется единицами. Это говорит о том, что примирительные комиссии, несмотря на продолжительный срок своего существования, не пользуются авторитетом. В равной мере весьма ограниченную помощь батрачеству оказывает и профсоюз сельхозработчиков: „они почти не сообщают в прокуратуру о конкретных случаях нарушения трудовых прав батраков. Такое же, примерно, внимание вопросам выявления кабальных сделок уделяют и деревенская общественность, в частности, селькоровский актив“.

Примирительная комиссия при Мтецком вике (Смоленской губ.), держала без рассмотрения 20 батрацких жалоб в течение 8 месяцев.

Не лучше обстоит дело и с работой сельхозтрудинспекция: недостаточное количество этих работников, слабая их подготовка создают условия, при которых работа их не может быть успешной.

Еще хуже обстоит дело с защитой интересов бедноты и батрачества в национальных областях, где эксплуатация бедноты и батрачества со стороны кулачества охватывается и прикрывается родовыми и религиозными связями и нормами. На фоне колоссальной темноты, политической и культурной отсталости крестьянских масс в нацобластях, раскрытие и борьба с эксплуатацией бедноты и батрачества представляет поэтому особые трудности.

Конкретные достижения в этой борьбе в национальных областях еще меньше, чем по республике в целом.

В работе прокуратуры в этой области в 1927 г. достижения, как мы уже отметили, невелики. Несмотря на ряд директив Прокуратуры Республики об усилении активности прокуратуры по этой линии, работа не была развернута должным образом. Обследовались примирительные комиссии, проверялись в виках и сельсоветах арендные договоры и договоры по трудовому найму, были единичные выступления в судах по батрацким и кабальным делам — но все это были скорей формальные, поверхностные достижения, — в лучшем случае дело сводилось к накоплению известного количества материала о положении батрачества и бедноты. Массового выявления кабальных арендных и трудовых договоров, действительного надзора и инструктирования сельхозтрудинспекции в части производства его дознаний, активного и массового выступления в судах по кабальным батрацким и арендным делам, надлежащего надзора за проведением правильной классовой линии по этим делам нарсудами (а в этом имеется по данным Прокуратуры Республики насущнейшая необходимость) — все эти задачи остались в 1927 г. неразрешенными. Причину следует искать в том, что генеральной линией работы в деревне являлась „обследовательская“ деятельность, а это заслоняло собой выполненные задачи по защите бедноты и батрачества.

Конец 1927 года, в соответствии с курсом, взятым в этом вопросе Партией и Правительством, характеризуется усилением активности прокуратуры в этой

области. Работа прокуратуры перестраивается с тем, чтобы широко развернуть работу по защите интересов бедноты и батрачества.

Так, Курский прокурор сообщает, что усиление работы с беднотой и батрачеством в конце 1927 г. уже дало определенные результаты: за 2-ю половину подано уже 102 жалобы на кабальные сделки, а его уездный помощник по Курскому уезду пишет: „Введенная нами практика созыва бедноты и маломощных середняков для выявления кабальных сделок и ростовщичества дала нам следующие результаты: за это время возбуждено 12 дел в отношении лиц, закабавших население“.

Прокурор Северо-Кавказского края пишет в отчете за 2-е полугодие 1927 года. „К концу первого и к началу второго квартала мы решительно стали на путь перенесения центра внимания прокуратуры в деревенской работе с надзора за формальной законностью действий низовых органов власти на наблюдение за тем, как эти органы осуществляют охрану интересов бедноты и ограничение эксплуататорских стремлений кулачества и на поиски реальных методов непосредственного участия прокуратуры в этой работе“.

О том же самом пишет прокурор Сибиряк и ряд других прокуроров.

Органы прокуратуры отдают себе отчет, какие трудности представляет из себя решение задачи по охвату своим наблюдением экономических процессов деревни; будущий отчетный год должен стать годом разрешения этой задачи на основе новых методов работы.

(Окончание следует).

И. Драгунский.

Руководство работой местных органов прокуратуры в 1927 г.

I.

В 1927 г. ревизии, как метод руководства и контроля, использованы были в несколько меньшем количественно объеме, чем в 1926 г., и это относится как к ревизиям, которые производились непосредственно по заданиям Центральной Прокуратуры, так и к тем, которые производились губернскими прокурорами.

В то время как в 1926 г. Центральной Прокуратурой обревизованы были 6 губернских прокуратур, 13 окружных, 1 областная и 1 краевая, 13 уездных, 5 районных и обследованы были 8 волостей, в 1927 г. всего обревизованы были 4 губернских, 1 областная и 5 уездных прокуратур.

Хотя менее резко, но все же в большинстве мест снизилось и число ревизий участковых камер, произведенных губернскими прокурорами. Намеченный план ревизий участковых камер, как в 1-м, так и во 2-м полугодиях 1927 г. большинством местных прокуратур полностью выполнен не был. Так, например по данным 23 местных прокуратур вместо 89 намечавшихся по плану ревизий в 1 п. 1927 г. проведено только 69, т.-е. 77,5%, а во 2 п. 1927 г., вместо предполагавшихся по планам тех же прокуратур и Сибирякуратуры 132 ревизии, практически произведено 97, т.-е. 73,5%.

Одной из причин снижения числа ревизий явилось проведение в области ревизионной работы директив о режиме экономии. Исходя из соображений режима экономии, Прокуратура Республики в начале 1927 г., во изменение ранее данных указаний о производстве ревизии участковых камер с таким расчетом, чтобы каждая участковая камера обревизовалась не реже одного раза в шесть месяцев, предложила ревизии камер производить не реже одного раза в год, за исключением тех участков, состояние которых, по имеющимся в распоряжении прокуроров сведениям неудовлетворительно, которые предложено было производить попрежнему не реже одного раза в шесть месяцев.

Снижение числа ревизий, производившихся по непосредственным заданиям Центральной Прокуратуры, объясняется также и существенным изменением характера ревизий в 1927 г. В то время как до 1927 г. ревизии судов и прокуратуры не увязывались друг с другом и происходили обособленно, в 1927 г. сделан был опыт полного объединения ревизионной работы, как по линии

судов, так и по линии прокуратуры. Таким образом в 1927 г. одновременно и одними и теми же ревизионными группами обревизованы были и судебные органы и органы прокурорского надзора в указанных выше губерниях. Эта новая установка и объединение ревизионной работы по существу является одним из первых шагов на пути организации в НКЮ единого инструкторско-ревизионного аппарата.

На количественном объеме ревизионной работы на местах сказались и недостаток средств и загрузка другой не менее серьезной по своему значению работой. Этим преимущественно и объясняется то, что директива Прокуратуры Республики о сопровождении каждой ревизии участковой камеры обследованиями состояния ревизионной законности в трех волостях выполнялась далеко не повсеместно. Обычно ревизии участковых камер сопровождалась выездами не в три, а в одну или две волости, а в некоторых случаях даже вовсе не сопровождалась выездами в волости (что, разумеется, никоим образом нормальным считаться не может). Наконец, не только в виде исключения, сказывалось кое-где влияние и недооценка отдельными прокурорами значения ревизий, как одного из живых методов руководства и контроля.

В качестве одной из отличительных особенностей ревизионной работы на местах, в 1927 г. сравнительно с 1926 г. следует отметить более расширившуюся в 1927 г. практику ревизий работы не только участковых, но и камерных помощников, и надо заметить, практика эта безусловно себя оправдала и дала вполне положительные результаты. Ревизии камерных помощников подчас вскрывали весьма существенные дефекты в постановке работы в самой губернской (краевой, окружной, областной) камере—дефекты, которые в процессе напряженной текущей работы ускользали от внимания.

Изменения в качественной стороне ревизий местных прокуроров не поддаются, понятно, такому точному учету, как изменения количественной их стороны. Тем не менее Прокуратура Республики, на основании систематического и повседневного изучения и просмотра копий ревизионных актов за 1927 г., может констатировать некоторые вполне определенные улучшения ревизионной работы местных прокуроров. Во-первых, акты ревизии гораздо реже, чем это наблюдалось в 1926 г., загромождались повторениями, деталями, перечислениями, таблицами, не имевшими никакого существенного значения для характеристики состояния ревизируемой камеры и состояния революционной законности.

Во-вторых, в 1927 г. только в виде редких исключений можно встретить акты ревизий с так называемым канцелярским уклоном, т.-е. такие ревизии, которые ограничивались преимущественно обследованием состояния нарядов, делопроизводства камеры участковой прокуратуры. Уделяя необходимое внимание состоянию делопроизводства и учета, ревизии в 1927 г. дают более глубокий, содержательный, а подчас весьма ценный материал, характеризующий не только делопроизводство, но всю работу и состояние поднадзорных органов.

В-третьих, поскольку ревизии участковых камер в 1927 г. в большей степени, чем в 1926 г., сопровождалась выездами в волости, постольку, естественно, в актах ревизии за 1927 г. имеется гораздо более богатый материал для характеристики и революционной законности в сельской периферии. Некоторые акты ревизии в этом отношении особенно ценны и содержательны, давая ряд характерных ярких иллюстраций недостатков в практике административных взысканий, в работе примирительных комиссий при вол(рай)исполкомах, в работе ВИКов и сельсоветов, по регистрации трудовых и арендных договоров, по борьбе с кабальными сделками и т. д.

Затем, в качестве достижений ревизионной работы, можно отметить уделение заметно большего внимания выявлению фактов волокиты и бюрократических извращений, большую конкретность дававшихся в связи с ревизиями предложений, более широкое (хотя, к сожалению, все еще не повсеместное) использование материалов и выводов ревизии для постановки перед местными руководящими органами ряда инициативных практических предложений, как по линии укрепления революционной законности, так и по линии усовершенствования госаппарата. По всем этим соображениям, между прочим, получение копий актов ревизий участковых камер отнюдь не может рассматриваться как получение излишних бумажных материалов. Можно без преувеличения ска-

зять, что эти акты ревизии давали не менее, если не более ценный для руководства материал, чем литературные отчеты, в виду чего высылка копий актов ревизий в Прокуратуру Республики представляется необходимой и в дальнейшем.

Но, констатируя указанные достижения, Прокуратура Республики отнюдь этим не имеет в виду сказать, что ревизионная работа на местах не нуждается в дальнейшем в качественном улучшении. Не говоря уже об отдельных определенных неудовлетворительных и бессодержательных актах ревизии, с которыми Центральной Прокуратуре пришлось столкнуться в процессе повседневного руководства, не мало замечаний со стороны Центральной Прокуратуры вызвали отдельные недочеты других ревизий, в общем и целом удовлетворительных. Часть недочетов ревизий ясна из сказанного выше о достижениях. Так, загромождение актов ревизии ненужными материалами встречалось реже, но все же встречалось, и окончательное изжитие этого дефекта (в результате которого акт ревизии без нужды разрастается в объеме, иногда до 140 и более страниц машинописной рукописи и значительно торяет в смысле четкости и ясности) составляет задачу дальнейшего руководства. То же в отношении прочих упомянутых выше достижений, которые еще нуждаются в дальнейшем закреплении и расширении. Из отдельных недочетов ревизионной работы прокуратур, вызвавших замечания со стороны Прокуратуры Республики, можно указать следующие:

1. Не изжита дача ревизующими предложений недостаточно конкретных подчас, расходящихся с общей линией работы прокурорского надзора, так, например, предлагается (акт ревизии Бугурусанского и Бузулукского уч. Самарской губ.) «усилить посещение бюджетных и налоговых комиссий, вопреки директив Прокуратуры Республики об ограничении участия в заседаниях различных комиссий». Или предлагается (Калм. обл.) обязательно «производить экспертизы по делам растрат, присвоения, безхозяйственности», между тем как крупнейшим дефектом следствия является не только не назначение экспертиз тогда, когда она нужна, но и затяжка следствия из-за назначения экспертиз, когда она по существу дела совершенно излишня. Сюда же относятся предложения вроде «усилить надзор за органами дознаний вообще», усилить надзор за разрешением инспекторами труда конфликтов.

2. Наряду с громоздкостью, некоторые акты ревизии страдают серьезными пробелами, оставляя без исследования и освещения ряд существенных моментов работы. Например, в некоторых актах ревизий поверхностно освещается следственная работа, обозрение следственных дел, не проверяется основательность оставления жалоб без последствий, не приводятся данные об объеме и конкретных результатах работы среди батрачества и бедноты, совершенно бледно отражается в ревизиях национальных автономных областей специфическая обстановка работы, дается недостаточно глубокий анализ состояния плановости в работе участковой камеры, иногда органичивающийся приведением суммарного процента выполнения плана, не поверяется степень выполнения данных предыдущими ревизиями директив.

В отношении состояния преступности один из актов ревизии ограничивается сообщением: «в окрестностях преступность изучается по цифровым данным милиции».

3. Некоторые ревизии свое внимание концентрируют исключительно на изложении фактов и простом фотографировании работы, не давая ничего в смысле критического анализа и оценки ее. Нередко статистические таблицы не сопровождаются решительно никакими выводами, не дается оценка качества выступления в печати, не отражается качество обследования низовых органов и т. д. Другие, наоборот, слишком схематичны, бедны яркими конкретными иллюстрациями.

Кроме задачи по устранению только что указанных и подобных им недочетов ревизионной работы, назревает также необходимость более широкого использования в дальнейшем за счет ревизий, охватывающих все стороны прокурорской работы, ревизий специальных, которые должны ставить себе задачи более узкие, но вместе с тем должны отличаться более глубоким характером, в первую очередь — по линии выявления подлинного состояния борьбы с преступностью.

II.

Если в отношении ревизии, как указывалось, 1927 г. дает в ряде мест некоторое количественное снижение, сравнительно с 1926 г., то иначе обстоит вопрос с другими живыми методами руководства — вызовами участковых помощников для докладов и камерными совещаниями. Как вызовы, так и камерные совещания в 1927 г. и в количественном и в качественном отношении в общей системе руководства получили значительно больший удельный вес, чем в 1926 г. Это выразилось, прежде всего, в высоком по большинству губерний проценте выполнения плана работы по вызовам, в особенности камерным совещаниям.

В отношении вызовов из 21 прокуратур только по 5 (Вологодской, Нижегородской, Пензенской, Рязанской и Вотской) имеем резкое невыполнение плана на протяжении 1927 г., а в отношении камерных совещаний и такое невыполнение имело место в Вологодской, Пензенской, Сталинградской, Тамбовской губ. и Вотской области.

Вместе с тем, данная Прокуратурой Республики норма камерных совещаний (2 совещания в месяц) пока достигнута в очень немногих губерниях. Если взять масштаб целого года, то к указанной норме приближаются прокуратуры: Иваново-Вознесенская (22 совещания), Курская (23), Саратовская (28), Тверская (23), Ульяновская (18). Наоборот, резко отстают от указанной нормы прокуратуры: Вологодская (7), Пензенская (7), Самарская (9), Тамбовская (10), Вотская (7), Калмыцкая (9).

Поэтому, учитывая то значение, которое имеют камерные совещания в смысле увязки работы отдельных камерных помощников (тем самым и достижения большого фактического единства линии в работе), использования коллективного опыта работников в деле практической проработки множества встающих в процессе работы серьезных вопросов надзора, Прокуратура Республики не считает возможным отказаться в дальнейшем от указанной нормы камерных совещаний и считает необходимым добиться осуществления ее, как правила, всеми местными прокуратурами, в каком смысле и дано указание в ц. НКЮ № 200 за 1927 г. («ЕСЮ» № 49).

Тем меньше может идти речь об уменьшении количественной нормы вызовов участковых помощников, так как норма эта и так весьма ограничена: один вызов на протяжении года.

В целях анализа содержания качественной стороны работы камерных совещаний, Прокуратура Республики подвергла детальному изучению протоколы камерных совещаний за 1 полугодие 1927 г. Изучение это и дало возможность выявить и обобщить в особом циркулярном письме ряд как положительных, так и отрицательных моментов в данной работе. Моменты эти уже получили освещение в «ЕСЮ» (№ 2—1928 г.).

Как положительные, так и отрицательные моменты, характеризующие качество работы камерных совещаний за 1927 г., вместе с тем характеризуют и работу и вызовы участковых помощников для докладов, поскольку доклады вызывавшихся помпрокурора заслушивались на камерных совещаниях.

Что касается губернских (областных) совещаний прокуратуры, то в общем и целом они продолжали играть такую же роль, как и в 1926 г., и созывались в части губерний один раз в течение года, в других — два раза. На губернских совещаниях подводились итоги работы прокуратуры в той или иной губернии за определенный период, выявлялись общие недочеты и большие места как в работе участковых камер, так и в руководстве или со стороны губкамеры, намечались основные вехи плана дальнейшей работы, заслушивались доклады отдельных участковых помощников, содоклады ревизоров, обсуждались и прорабатывались вопросы борьбы с бюрократизмом, волокитой, за снижение цен и т. д. Ряд постановлений губсовещаний носит инициативный характер, содержит пожелания о внесении тех или иных изменений в действующее законодательство.

В 1927 г. продолжались плановые вызовы местных прокуроров совместно с председателями судов в НКЮ, частью приурочивающиеся к ревизиям соответствующих местных прокуратур и судов, частью же производившиеся независимо от ревизий. Так же, как и в 1926 г., доклады вызванных прокуроров и председателей губернских (областных) судов заслушивались и подвергались детальному обсуждению на широких совещаниях с уча-

ствием работников Прокуратуры Республики, Отдела Судебного Управления и Верховного Суда. На таких объединенных совещаниях в 1927 г. заслушаны были доклады прокуроров и председателей судов по губерниям и областям Иваново-Вознесенской, Московской, ДВК, Пензенской, Череповецкой, Марийской, Вотской, Вятской, Тамбовской, Сев.-Кавк. краю, Чеченской, Ульяновской, Оренбургской, Брянской (2 раза), Костромской (2 раза), Воронежской, Ярославской, Саратовской, Сев.-Осетинской обл., Владимирской, Архангельской, Каб.-Балкарской, Вологодской, Сталинградской, Рязанской.

III.

В 1927 г. Прокуратурой Республики, помимо просмотра и дачи указаний по отдельным циркулярам прокуроров с мест, проведено детальное изучение материалов циркулярного руководства за 1 п. 1927 г. со стороны краевых, губернских и областных прокуроров. Изучение указанных материалов, а также ознакомление в процессе текущего руководства с циркулярами за 2 п. 1927 г. в общем и целом подтверждают те выводы и ту оценку значения циркулярного метода руководства, которые сделаны были в предыдущих отчетах (и директивных письмах) НКЮ, вместе с тем позволяя внести в эту оценку некоторые практические коррективы. Прежде всего, в отношении объема использования циркулярного метода, какого-либо угрожающего увлечения циркулярным методом руководства числа за 1927 г. не показывают. Так, по отдельным прокуратурам за 1 п. 1927 г. имеем циркуляры по Архангельской губ. 2, Астраханской 13, Брянской 10, Владимирской 3, Вологодской 3, Вятской 9, Ленинградской 24, Московской 35, Калмыцкой 6, Марийской 0, Курской 4, Калужской 6, Костромской 2, Нижегородской 4, Новгородской 6.

Но все же кое-где перебарщивание в пользовании этих методов руководства продолжало иметь место. Местами обращает на себя внимание резкое преобладание циркулярных, товарищеских, сводных, директивных писем над циркулярами, при чем различие между теми и другими по большей части сводится к значительно большему объему первых сравнительно с объемом циркуляров: в то время как циркуляр обычно излагается на 2—3 страницах машинописного текста, директивные или циркулярные письма нередко растягиваются на 10—20 и даже 40 таких страниц. Поэтому задачу по дальнейшему сокращению циркулярного метода, Прокуратура Республики не считает отпавшей.

Детальный анализ содержания циркуляров по 31 губ. и областным прокуратурам за 1 п. 1927 г. показал, что из общего числа циркуляров 23,9% касаются вопросов организационных, плановости отчетности, 22% касаются вопросов предварительного расследования (т.-е. дознания и предварительного следствия), общественно-политической работы 7%, общего надзора и деревенской работы (15,1%), борьбы с преступностью (4,9%), судебного надзора и работы (7%), борьбы с волокитой и бюрократизмом (7%), надзора за проведением директив по снижению цен и режиму экономии (7%), надзора за исполнением приговоров и решений (7%).

Указанное распределение циркуляров со стороны содержания их не вполне точно, во-первых, по той причине, что часть циркуляров из числа каждой из указанных выше групп отличается смешанным содержанием, одновременно касаясь различных областей работы, так, например, в циркуляре о деревенской работе вкраплены директивы и по работе судебной и общественно-политической, и, наоборот, циркуляры о борьбе с волокитой и бюрократизмом заключают в себе указания и по линии предварительного расследования и общего надзора и т. д.

Во-вторых, имеющиеся в распоряжении Прокуратуры Республики циркуляры не совпадают по численности с фактическим количеством изданных на местах циркуляров, вследствие несвоевременности высылки части из них. Тем не менее, если проведенное распределение циркуляров по указанным причинам не претендует на абсолютную точность, то приблизительное воспроизведение фактической картины оно, несомненно, дает.

Из анализа численного соотношения отдельных групп циркуляров видно, что:

1) Циркуляры уделяли относительно большое внимание вопросам надзора за предварительным расследованием,

что нельзя не признать вполне отвечающим как значению этой области работы, так и состоянию следствия и дознания.

2) Процент циркуляров, приходящихся на вопросы организационные, плановости и отчетности, также достаточно высок и отвечает значению всех этих вопросов и потребности в устранении тех все еще крупных недочетов, какие наблюдаются и по линии отчетности и по линии плановости.

3) Сравнительно небольшой процент циркуляров по вопросам общественно-политической работы объясняется не тем, что на местах недостаточно учитывалось значение этой работы, но тем, что методы и содержание ее за истекшие годы определились настолько ясно и четко, что каких-либо особых дополнительных указаний и разъяснений не требовало. Группа же циркуляров о работе в деревне начинает расти во 2 полугодие 1927 г., в связи с назревшими изменениями в методах деревенской работы.

4) Крайне незначительные абсолютные и относительные числа циркуляров по вопросам судебного надзора, борьбы с преступностью, надзора за приведением приговоров и решений в исполнение—несомненно, отрицательная черта циркулярного руководства за 1 полугодие 1927 г., являющаяся отражением той диспропорции, того ущемления этих видов работ, изжитие которой Прокуратура Республики считает одной из очередных задач дальнейшего руководства. Во 2 полугодие 1927 г. эта группа циркуляров показывает рост.

Качество значительной части циркуляров достаточно удовлетворительное. Некоторые циркуляры дают ценный материал, на основании которого Центральная Прокуратура может глубже понять больные места и недочеты в работе участковых камер. Циркуляры и циркулярные письма дают зачастую вполне деловую критику работы и состояния участковых камер, вскрывают все более или менее существенные недочеты ее.

Часть циркуляров сильна не только своей критической стороной, но и теми вполне конкретными директивами, которые они дают в целях устранения недочетов в тех или иных областях работы.

В циркулярах за 1927 г. более, чем в 1927 г., встречаются указания на определенные количественные нормы той или иной работы.

Не все эти нормы оказались вполне целесообразными. Проверку этих норм даст жизнь и опыт. Но самый факт вступления на путь выработки определенных норм есть глубоко положительное явление.

Некоторые циркуляры (к сожалению, пока их немного) предлагают примерные тезисы докладов (например, тезисы по докладу о „прокуратуре и рабселькорах“—Брянск и др.).

Циркуляр Московской Губпрокуратуры за № 10—1927 г. дает подробную инструкцию по применению карточек наблюдения за исполнением приговоров и решений.

Другие циркуляры дают основанные на изучении местных условий практические указания на те нарушения революционной законности, на которые нужно обратить особое внимание при обследовании низовых органов и которые до этого ускользали от внимания участковых прокуратур.

Однако, на ряду с такими циркулярами, которые приходится расценивать, безусловно, положительно, есть не мало и таких, которые так расценивать невозможно.

Из недочетов циркулярного руководства за 1927 г. можно указать следующие:

1) Некоторые циркуляры все еще представляют собою не что иное, как пересказ (не всегда удачный) директив Центральной Прокуратуры и ничего нового к этим директивам не прибавляют.

2) Некоторые циркуляры и циркулярные письма содержат слишком общие рассуждения и предложения. Трафаретные и набившие оскомину „усилить“, „углубить“, „уточнить“ без указания, каким образом и в каком объеме „усилить, углубить и уточнить“—все это еще довольно часто встречается в циркулярах и циркулярных письмах. Сюда относятся и такие предложения, как „изучить все стороны действия милиции“.

3) Указанный выше чрезмерный объем циркулярных писем.

4) В некоторых циркулярах продолжают встречаться указания, которые противоречат директивам центральных органов.

5) Хотя за 1927 г., примерно, только 8—10% циркуляров вызвали замечания Центральной Прокуратуры, но в большей или меньшей степени от указанных выше недочетов не освободилась и значительная часть прочих циркуляров.

Суммируя указанные выше практические выводы о ценности циркуляра, как метода руководства, приходится признать, что совершенно отказаться от этого метода руководства было бы нецелесообразно, что во многих случаях он имеет важную практическую ценность, но что в то же время необходимо самым жестким образом устранять из циркуляров те из упомянутых выше недочетов, наличие которых обесценивает практическое значение циркуляров, а некоторые из них превращает в бюрократическое творчество.

Что касается циркуляров Центральной Прокуратуры 1927 г., то, не вдаваясь в подробное перечисление, настоящий отчет ограничивается указанием лишь некоторых важнейших из них. Сюда, например, относятся директивные письма НКЮ, изданные в начале 1927 г. и наметившие схемы обследований низовых органов, схемы ревизий и литературных отчетов участковых камер, веки дальнейшей общеполитической работы, работы в деревне, судебной ц. 81 („ЕСЮ“ № 19) об упорядочении привлечения к ответственности рабселькоров за клевету, данный циркуляр направлен против наблюдавшихся в практике отдельных мест дерганий рабселькоров неосновательными привлеченными к ответственности. Ц. № 129 („ЕСЮ“ № 29) внес целый ряд существенных уточнений по организации, инструктажу и использованию общественных обвинителей, ц. № 190 („ЕСЮ“ № 45) о работе органов прокуратуры и суда по охране прав и защиты интересов батрачества, ц. № 206 („ЕСЮ“ № 50), содержащий подробные указания на основании анализа материалов за 1 полугодие 1927 г. по общественно-политической работе, ц. № 200 дал подробный анализ дефектов в работе камерных совещаний.

Ряд директив НКЮ заострил внимание местных прокуратур на вопросе борьбы с волокитой и бюрократизмом. Из числа этой группы циркуляров можно указать ц. № 67 („ЕСЮ“ № 15) о мерах к ускорению производства по делам, возбуждаемым РКК, ц. № 83 („ЕСЮ“ № 9) о надзоре за быстрым и правильным разрешением жалоб и запросов красноармейцев, № 89 („ЕСЮ“ № 20) об ускорении производства дознаний по трудовым делам, ц. № 115 („ЕСЮ“ № 28) об упорядочении получения замечаний по жалобам, непосредственно поступающим от участковых помощников, ц. № 121 („ЕСЮ“ № 28), указавший ряд конкретных мер приближения к трудящимся, ц. № 141 („ЕСЮ“ № 31) о борьбе с формально-бюрократическим уклоном в работе органов прокурорского надзора.

Сюда же можно отнести циркуляры, направленные к разгрузке от излишней отчетности, как, например, ц. № 40 1927 г. („ЕСЮ“ № 8), ограничивший требование статотчетности от низовых судебно-следственных и исполнительных органов, далее, ц. № 58 („ЕСЮ“ № 14) об ограничении представления в Прокуратуру Республики сведений о преследовании рабселькоров лишь теми случаями, когда преследование связано с корреспондентской деятельностью и когда оно достаточно установлено расследованием.

Прокуратурой Республики заострено было внимание местных прокуратур на усиление борьбы с нарушениями трудового законодательства, как например, со сверхурочными работами ц. № 20 („ЕСЮ“ № 6), с задолженностью по социальному страхованию ц. № 69 („ЕСЮ“ № 6). Ряд циркуляров связан с различными проводившимися Правительством кампаниями, как, например, № 100 1927 г. („ЕСЮ“ № 26) об участии прокуратуры в мероприятиях по снижению цен и др.

IV.

Положительную роль в общей системе руководства в 1927 г. продолжала играть разработка статистической

и литературной отчетности. Разработка эта как со стороны Прокуратуры Республики в отношении отчетности краевых, областных и губернских прокуроров, так и со стороны последних в отношении отчетности участковых помощников производилась в нескольких направлениях. Во-первых, на основе проверки и изучения отчетных материалов давались указания на места, обращалось внимание на слабые участки работы и давались различные предложения, в целях усиления работы в дальнейшем. Судя по ревизионным материалам, указания по отчетам участковых помощников в 1927 г. по большей части носили достаточно деловой характер. В разработке отчетов принимали участие все или большинство камерных помощников, указания и предложения по отчетам базировались не только на материальных отчетах, но и на критическом сопоставлении их с другими данными, накопившимися на протяжении полугодия в процессе повседневного руководства.

На основе разработки отчетных и прочих материалов и составлялись сводные или директивные письма. Сюда относятся и те директивные письма, которые разработаны были Прокуратурой Республики в начале 1927 г., которые коснулись всех существенных сторон прокурорской работы.

Вместе с тем, и наряду с удовлетворительной постановкой работы по даче указаний и предложений по отчетам, наблюдалось местами поверхностное и трафаретное отношение к данной работе, отрицательно отражавшееся на практической ценности ее в деле руководства.

Во-вторых, разработка отчетов производилась и по линии использования содержащихся в них данных и материалов для улучшения методов работы этих вышестоящих органов прокуратуры и для проведения ряда мероприятий для укрепления революционной законности через руководящие органы. Кроме того, для Прокуратуры Республики отчеты с мест служили материалом для составления предусмотренного Положением о Судостроительстве отчета Президиуму ВЦИК.

Качество литературных отчетов с мест, в особенности за 2-е полугодие 1927 г., повысилось, а некоторые отчеты в этом отношении являются вполне удовлетворительными.

Но тем не менее во многих отчетах и за 1927 г. не изжит и ряд крупных дефектов. Хотя в меньшем масштабе, чем в 1926 г., но все еще имело место загромождение отчетов излишними совершенно нехарактерными деталями, дублирование статистической отчетности разрастанию отчетов до 70 и более страниц, сочетающееся с пробелами в части освещения существенных моментов работы.

Нельзя считать окончательно изжитым и формально-бюрократические извращения литературных отчетов, выражающиеся в преувеличенном изображении достижений, затушевывании отрицательных моментов, шаблонности и трафаретности содержания. Эти недочеты продолжают наблюдаться, несмотря на указания, данные Прокуратурой Республики в июне 1927 г. (ц. № 95).

Факт неизжития ряда дефектов литературной отчетности Прокуратура Республики объясняет недостаточно серьезным отношением к работе со стороны части прокуратуры, особенно в участках. Но, вместе с тем, поскольку часть дефектов литературной отчетности обусловлена несовершенством установленной в 1926 г. схемы литературных отчетов и некоторой неувязкой ее с изменившейся статотчетностью, Прокуратура Республики наметила в план своей работы на период январь—октябрь 1928 г. коренную переработку схем литературных отчетов как губернских, так и участковых камер, в сторону дальнейшего максимального упрощения и сокращения отчетности, с одной стороны, и отражения в ней новых моментов в работе прокуратуры выдвинутых директивам XV парт'съезда,—с другой.

Л. Н.

Х р о н и к а.

Гос. нормирование зарплаты в учреждениях, состоящих на гос. и местном бюджете.

В связи с проведением гос. нормирования зарплаты в учреждениях, состоящих на гос. и местном бюджете, НКТ РСФСР предложил (ц. № 173—28 г., „Изв. НКГ“—28 г. № 42) в тех случаях, когда местными органами РКИ будет санкционировано содержание сверхштатных должностей в том или ином учреждении, состоящем на государственном или местном бюджете, органы НКТ устанавливают для этих должностей оклады в соответствии с окладами по одноименным штатным должностям.

Список сверхштатных должностей, разрешенных РКИ к сохранению с установленными подлежащими органами НКТ окладами, составляет особое положение к штатному расписанию данного учреждения (объединять их не следует).

Устанавливаемые органами НКТ в порядке государственного нормирования оклады являются твердыми: эти оклады не могут быть увеличиваемы ни распоряжением администрации, ни соглашением с отдельным работником, ни соглашением с профсоюзом. Выплата сверх установленного оклада может иметь место только в случаях, особо предусмотренных законодательством.

Единственной формой основного вознаграждения при системе государственного нормирования является повременная оплата. Сдельная оплата применяться не может.

Законными дополнительными видами вознаграждения являются следующие: персональные надбавки, устанавливаемые органами НКТ на основании п. „б“ ст. 4 постановления СНК РСФСР от 3 июля 1925 г. о госнормировании зарплаты и циркуляра НКТ СССР от 1 марта 1926 г. № 52/503 „О порядке назначения персональных надбавок к должностям окладам“ („Известия НКТ СССР“ 1926 г. № 14); за временное замещение в случаях и при условиях, указанных в ст. 4 инструкции НКТ РСФСР и НКФ РСФСР от 15 февраля 1927 г. НКТ № 30 („Известия НКТ СССР“ 1927 г. № 11); периодические прибавки за выслугу лет, установленные специальными постановлениями высших законодательных органов для отдельных категорий работников (участковых врачей, учителей школ I и II ступени, участковых агрономов, работников милиции и т. п.); отчисления с некоторых сумм и сборов, установленные в законодательном порядке для некоторых категорий работников (суд. исполнителей, работников рыбного промысла, надзора и т. п.); сдельная плата, получаемая землеустроителями сверх должностного оклада; оплата за сверхурочную работу лиц, не отнесенных к категории работников с ненормированным рабочим днем.

Выплата иных видов вознаграждения, кроме перечисленных, является нарушением законов о госнормировании заработной платы. В частности незаконны следующие выплаты: доплата „за нагрузку“ (для работников с ненормированным рабочим днем компенсация за неограниченность рабочего времени включается в сдельный должностной оклад и особо не выделяется) и особые вознаграждения за переработку сверх нормы (напр., за превышение нормы выработки машинистами), премиальные, награды и т. п.

доплата за выполнение особых работ (составление докладов, смет, заключенные балансов и т. д.); выплата вознаграждения по двум должностям в одном и том же учреждении, за исключением оплаты преподавателей, занимающих административные и технические должности в том же учебном заведении, где они преподают; выплата особого вознаграждения за участие в междуведомственных комиссиях и заседаниях в качестве преподавателей данного учреждения.

Как производится учет нарушений трудовой дисциплины.

НКТ РСФСР изменил ст. 9 утвержденной постановлением НКТ РСФСР от 11 января 1928 г. за № 6 „Табели взысканий за нарушение трудовой дисциплины в государственных учреждениях и управленческом аппарате государственных промышленных и торговых предприятий и акционерных обществ с преобладающим участием государственного капитала“ („Известия НКТ СССР“ 1928 г. № 6).

По новой редакции: „При наложении взысканий, согласно настоящей таблицы, проступки, за исключением самовольной отлучки, опоздания и прогулов, учитываются за годичный срок; случаи самовольной отлучки, опоздания и прогулов учитываются за месячный срок“ (пост. НКТ РСФСР № 232 от 4/8—28 г.—„Изв. НКГ“ 28 г. № 232).

Как принимаются на работу лица, уволенные вследствие совершения ими проступков, преследуемых или в дисциплинарном, или в уголовном порядке.

Наниматель вправе отказаться от приема на работу посланного к нему биржей труда безработного, если последний был уволен из данного предприятия или учреждения, либо вследствие совершения им проступка, за который наложено было взыскание на основании таблицы взысканий, приложенной к правилам внутреннего распорядка, или законов о дисциплинарной ответственности, либо вследствие совершения им преследуемого в уголовном порядке деяния, непосредственно связанного с его работой и установленному вступившим в силу приговором суда.

Отказ в приеме на работу указанного безработного может последовать не позднее следующего дня явки на работу и лишь при условии, если со дня увольнения прошло менее шести месяцев.

Прием на работу лиц, хотя и уволенных из предприятий или учреждений по причинам, указанным выше, но посланных биржей труда на работу в другие предприятия или учреждения, производится последними на общих основаниях со всеми остальными безработными (разъяснение НКТ СССР № 572 от 2/X—28 г.—„Изв. НКГ“ 28 г. № 42).

Фонды зарплаты специалистов в первом полугодии 1928/29 г.

НКТ РСФСР разрешил общегосударственным государственным предприятиям, учреждениям и акционерным обществам с преобладающим участием государственного капитала, в которых не введена система должностных окладов ни в порядке государственного нормирования, ни в по-

рядке коллективных договоров, расходовать в первом полугодии 1928/29 г. (октябрь—март) особые фонды заработной платы для оплаты специалистов в размерах, установленных для них НКТ РСФСР во второе полугодие 1927/28 г.

В случаях изменения объема работ или отсутствия особого фонда для оплаты специалистов, заявки на особый фонд заработной платы на первое полугодие 1928/29 г. представляются не позднее 15 октября 1928 г. в НКТ РСФСР с предварительным заключением соответствующего профсоюза (пост. НКТ РСФСР № 274 от 21/X—28 г.—„Изв. НКГ“ 1928 г. № 43).

Броня подростков.

Броня подростков распространяется на все государственные, кооперативные, общественные и частные (в том числе арендованные, кустарные и концессионные) предприятия с числом рабочих не менее десяти. Если в предприятии с десятью или более рабочими по установленной норме полагается менее одного подростка, в броню должен состоять один подросток.

Броня подростков, по общему правилу, исчисляется и проводится в отдельности по каждому производственному предприятию (фабрика, завод и т. д.).

Броня подростков исчисляется для всего производственного предприятия в целом по норме основного производства (а не по отдельным частям, цехам, мастерским и т. п.).

В комбинатах и других хозяйственных единицах, объединяющих предприятия различных производств, броня подростков исчисляется для каждого из предприятий отдельно, по норме соответствующего производства.

Все подростки, состоящие в броню, должны проходить обучение в организованных формах: либо в школах фабзавуча, либо в порядке индивидуального и бригадного ученичества.

Подростки, проходящие обучение в порядке индивидуального и бригадного ученичества, должны проходить обязательно теоретическое обучение на соответствующих курсах, школах и т. п., организуемых предприятием по соглашению с соответствующим профсоюзом.

При малочисленности брони подростков, предприятия, имеющие однородные производства, могут организовать объединенную школу ФЗУ, по соглашению с соответствующим профсоюзом. В сметах предприятий должны быть предусмотрены средства, необходимые для проведения обучения состоящих в броню подростков.

Состоящими в броню подростков считаются: подростки, проходящие обучение в школах фабзавуча или в порядке индивидуального и бригадного ученичества; перероски, проходящие обучение в школах фабзавуча или в горячих и вредных цехах в порядке индивидуального и бригадного ученичества.

Обучение несовершеннолетних во всех видах ученичества должно происходить только в дневных сменах.

По окончании установленного срока обучения подростки, достигшие 18 лет и перероски, достигшие 20 лет, направляются в экспертную квалификационную комиссию при заводоуправлении, которая определяет квалификацию и степень подготовленности учеников. После этого указанные лица переводятся на штатную работу в соответствии с их квалификацией и

специальностью и одновременно исключаются (выводятся) из брони.

В целях наиболее целесообразного размещения подростков, оканчивающих обучение по специальности, прикрепление их к штатным местам в производстве должно начинаться заблаговременно в течение последнего полугодия обучения.

Если указанные лица, за отсутствием свободных мест в производстве, не могут получить немедленно штатной работы в соответствии со своей квалификацией и специальностью, то временно они зачисляются на другую работу нижешей квалификации или переводятся в число запасных рабочих. При этом за ними сохраняется заработная плата не менее той, которую они получали в качестве учеников до перевода их на работу в производство, соответствующую их квалификации и специальности, и перевод их должен совершаться, по мере освобождения мест, в первую очередь.

Наряду с этим, в целях скорейшего размещения указанных лиц в производстве, допускается, по соглашению с профсоюзом, перевод их на другие производственные предприятия (фабрики, заводы и т. п.) того же треста, а при наличии соответствующего соглашения — и на предприятия других трестов для работы по тем квалификациям, по которым окончившие обучение подготовлены, с выплатой установленных при перемещении компенсаций.

Увольнение подростков, состоящих в броне, в связи с общим сокращением числа рабочих в предприятиях, воспрещается. (Инструкция НКТ СССР № 619 от 22/X—28 г. — „Т.-П. Г.“ 28 г. № 253).

Особая регистрация частных строительных контор.

Строительные конторы по постройке крупных жилых домов и промышленные предприятия для производства строительных материалов, принадлежащие на праве собственности частным физическим и юридическим лицам (ст. 3 и 4 постановления СНК Союза ССР от 17/IV-28 г.), подлежат особой регистрации в местных органах народного хозяйства.

Особая регистрация состоит во внесении в специальный реестр сведений о частных строительных конторах и частных промышленных предприятиях для производства строительных материалов. Регистрация сопровождается производством за счет владельцев предприятия публикаций о состоявшемся внесении предприятия в специальный реестр с сообщением в сокращенном виде относящихся к нему сведений и о происходящих в этих сведениях изменениях.

Сведения, подлежащие внесению в специальный реестр, представляются в местные советы народного хозяйства или отделы местного хозяйства подлежащих исполкомов, путем подачи о том соответствующих письменных заявлений. Сведения представляются владельцами предприятий в двухнедельный срок со дня выборки регистрационного удостоверения из местного финоргана на предприятие.

К заявлению о сведениях, подлежащих внесению в реестр, должны быть приложены нотариально удостоверенные копии документов, удостоверяющих сообщаемые сведения. В частности, к заявлению о регистрации должна быть приложена нотариально удостоверенная копия устава

или фирменного договора владельцев предприятия.

Об отказе в регистрации местные органы народного хозяйства в 3-дневный срок объявляют владельцу предприятия в письменной форме с указанием мотивов отказа.

Жалоба на отказ в регистрации подается владельцем предприятия в двухнедельный, со дня получения им объявления об отказе, срок в ВСНХ соответствующей союзной республики. Жалобы подаются через подлежащие местные органы народного хозяйства, постановившие об отказе в регистрации.

В случае подтверждения президиумом ВСНХ союзной республики правильности отказа местного органа народного хозяйства в регистрации предприятия, такое предприятие подлежит немедленному закрытию.

О всяком изменении в сведениях, указанных выше, происшедшем после подачи заявлений о регистрации предприятия, равно как и о полном прекращении деятельности зарегистрированного предприятия, владельцы последнего обязаны сообщить в двухнедельный срок для надлежащей отметки в реестре.

За неисполнение правил настоящей инструкции или представление неверных сведений виновные в том владельцы предприятий подлежат уголовной ответственности, согласно уголовных кодексов союзных республик (приказ ВСНХ СССР № 70, от 22/X 1928 г. — „Т.-П. Г.“ 1928 г. № 254).

Номенклатура расходов заготовительных и торгующих организаций.

НКТоргом СССР утверждена номенклатура расходов заготовительных и торгующих организаций, обязательная для всех заготовительных и торгующих государственных и кооперативных организаций, а также смешанных акционерных обществ, при всех совершаемых ими заготовительных и торговых операциях, при составлении отчетных данных, калькуляции себестоимости заготавливаемых и приобретаемых объектов торгового оборота (товаров, сырья и т. п.). Номенклатура делится на:

Накладные и прямые расходы. Накладными (примыми) расходами называются зависящие от количества или стоимости товаров расходы, непосредственно связанные с операциями, производимыми с товарами при их покупке, заготовке, подработке и передвижении. Накладные (прямые) расходы являются составной частью себестоимости товаров.

Номенклатура статей расходов. 1. Транспортные расходы. 2. Гужевые перевозки (перевозки по трактам). 3. Подработка и упаковка. 4. Сборы и пошлины. 5. Комиссия, уплаченная по заготовке и покупке. 6. Прочие накладные расходы.

Общоторговые расходы. Обще-торговыми расходами называются расходы по содержанию всего управленческого и оперативного аппарата предприятия (как по заготовительной, так и по оперативной деятельности), расходы операционные по хранению и реализации товаров, а также расходы, связанные с выполнением общих задач предприятия в целом. Обще-торговые расходы не включаются в себестоимость товаров, а списываются в убыток.

Номенклатура статей расходов. 1. Зарплата. 2. Дополнительные расходы по расхиле. 3. Начисление на зар-

плату. 4. Командировки и разъезды. 5. Содержание помещений и хозяйственные расходы. 6. Амортизация. 7. Конторские и почтово-телеграфные расходы. 8. Хранение и внутренняя переброска товаров. 9. Расходы по таре. 10. Налоги и сборы. 11. Комиссия уплаченная. 12. Культурно-просветительные расходы. 13. Прочие расходы.

Недостачи товаров при хранении и продаже. По этой статье учитываются недостачи, обнаруженные при зачистке складов или при периодической и годовой инвентаризации товаров в складах и магазинах. Излишки товаров, оказавшиеся при инвентаризации от перехода от одного сорта в другой, в ценностном выражении исключаются из этой статьи.

На эту статью не относятся недостачи, относимые вследствие превышения установленных норм или по иным причинам на виновных лиц.

Расходы по кредиту. По этой статье учитываются проценты и комиссия, уплачиваемые банкам по займам, ссудам и специальным текущим счетам, а также проценты, уплачиваемые по учету векселей и фирменному кредиту (пост. НКТорга СССР от 25/IX 1928 г. — „Сов. Торг.“ оф. прил. 1928 г. № 55).

Сбор лома черных металлов.

Значительное, по сравнению с прошлыми годами, развитие народного хозяйства Союза определило собой образование острого недостатка в некоторых видах черных металлов.

Преодолеть и смягчить испытываемый промышленностью металлический голод возможно при данных условиях лишь путем восполнения недостатка свежего металла использованием всех наличных запасов чугуна и железно-стального лома, имеющихся в стране. В виду этого НКВД предложил местным комхозам обязать управления домов, непосредственно эксплуатируемых коммунальными органами, а равно и арендаторов домов (государственного и предприятия, жилищно-арендные кооперативы и жилищные товарищества, а также частных арендаторов) в кратчайший срок провести осмотр дворов, чердаков и надворных построек для обзора металлического лома. Весь собранный в каждом домовладении лом и вообще неиспользуемое металлическое сырье должно быть собрано в одно место для сдачи сборщику Рудметаллторга с тем, чтобы вырученные от продажи суммы поступали на нужды домовладений.

Впредь во всех домовладениях должны быть поставлены ящики или отведены места в сарае для металлического лома и неиспользуемого металлического сырья. Домоуправления вменяется в обязанность наблюдать, чтобы металл не выбрасывался в выгребные ямы, а сосредоточивался в определенных, отведенных для этой цели, местах.

Там, где это по местным условиям технически и хозяйственно целесообразно, имеющийся коммунальный транспорт, производящий очистку улиц и домовладений от мусора, может быть, по особой договоренности с Рудметаллторгом, использован для концентрации и переброски на склады всего периодически накапливающегося лома (цирк. НКВД № 351, от 11/X 1928 г. — „Бюлл. НКВД“ 1928 г. № 37).

На местах.

С'езд работников юстиции Брянской губ.

Резолюция С'езда по докладу т. Стельмаховича.

Обсудив доклад Члена Коллегии НКЮ тов. Стельмаховича о работе НКЮ, IV Губернский Съезд работников юстиции Брянской губернии признает:

А. Правильной общую политическую линию НКЮ, отвечающую текущим задачам и решениям XV партийного съезда.

Главнейшими чертами этой линии являются:

а) Своевременная и правильная постановка вопроса об изменении уголовной политики в сторону отказа от мер репрессии—лишения свободы—в отношении элементов, не представляющих опасности для советского государства и общих интересов трудящихся масс.

б) Шаги к привлечению общественной самостоятельности трудящихся масс—рабочих, крестьян и служащих—к разрешению мелких уголовных и гражданских дел в товарищеских судах и примирительных комиссиях.

в) Объединение руководства всем судебным, прокурорским и следственным аппаратом путем объединения Верхсуда и Прокуратуры в одном Наркомате.

г) Передача кассационных функций Верхсуда Областным и Краевым Судам, что дает Верхсуду возможность углубить общее руководство судебной политикой, ускоряет судебное производство и приближает кассационную инстанцию к населению.

д) Предъявление судебно-следственным органам жестких требований об ускорении судопроизводства.

е) Своевременная постановка вопроса о передаче мест заключения в ведение НКЮ, что соответствует новым задачам уголовной политики и обеспечит реальное исполнение приговоров.

ж) Объединение журналов „ЕСЮ“ и „Судпрактики“, дающее возможность сосредоточить в одном органе практический руководящий материал в судебной и следственной работе.

Б. Вместе с тем Съезд констатирует:

1. Отсутствие со стороны НКЮ достаточной живой связи с местами и живого руководства ими, выразившееся в несозыве Съезда работников юстиции в течение 5 лет, полном отсутствии совещаний руководителей судебных учреждений (председателей Обл., Край, Губ. и Окр. Судов), редких совещаниях прокуроров, а также отсутствие живого руководства при производстве крайне редких ревизий НКЮ, не дающих практических указаний,—все это в настоящий момент, когда весь государственный аппарат как в центре, так и на местах должен работать с особой четкостью, настойчиво выдвигает вопрос об усилении живого руководства со стороны НКЮ и В. С. местами и живой связи с ними и о пересмотре существующего метода ревизий.

2. Руководство со стороны НКЮ по ряду серьезнейших вопросов судебной и прокурорской работы было недостаточным, а в некоторых случаях несвоевременным, в частности: недача до сих пор директив о перевыборах народных заседателей на 1929 год, не одновременное производство выборов народных заседателей и общественных обвинителей и непридание этому характера политической кампании в республиканском масштабе, неиздание до сих пор инструкции о применении нового закона о принудительных работах и списка предприятий, где должны быть организованы товарищеские суды, все это приводит к необходимости скорейшего устранения этих недостатков в интересах наиболее полного охвата работы планомерного и бесперебойного ведения этой работы.

3. Плохое состояние дела исполнения решений, в виду чрезмерной загруженности судебных исполнителей делами, несмотря на их все увеличивающуюся пропускную способность и наличие сети их в губернии по одному на укрупненную волость, требует проведения быстрых организационных мероприятий со стороны НКЮ путем передачи вызсканий до 15 рублей сельским советам, пересмотра устаревшей инструкции 1925 года и изменения порядка премирования так, чтобы судебный исполнитель получал полностью премии по произведенному им вызсканию.

4. Отмечая большую работу НКЮ по упрощению кодексов, вместе с тем признавать, что существующий Гражданский Кодекс, приспособленный для восстановительного периода НЭП, нуждается сейчас в скорейшем пересмотре его и приспособлении к реконструктивному периоду народного хозяйства СССР.

5. Подтверждая решение 3-го Съезда и отмечая отсутствие до сих пор упрощения и кодификации трудового законодательства, Съезд признает необходимым, чтобы НКЮ принял все меры к упрощению и кодификации этого законодательства, с таким расчетом, чтобы оно лучше усваивалось практическим низовым работником.

6. Признавая основные положения уголовной политики, изложенные в тезисах Н. Крыленко, правильными, Съезд признает необходимым вынести эти положения на широкое обсуждение рабочих и крестьян с тем, чтобы по выявлении их мнения внести на рассмотрение Правительства.

Вместе с тем, имея в виду недостаток в руководстве кассинстанцией в области проведения нового курса уголовной политики впредь до принятия и издания нового Уголовного Кодекса, признавать необходимым усилить это руководство со стороны НКЮ и Верхсуда путем издания руководящих инструктивных писем по материальной и процессуальной части.

7. Отмечая необходимость скорейшего издания упрощенного УПК, а также и необходимость создания в губернском, окружном и высших судах, наряду с общим уголовным процессом, чрезвычайного процесса, признавать необходимым: а) дополнить существующий проект УПК разделом о чрезвычайном процессе в губернском, окружном и других высших судах, б) ускорить внесение в законодательные органы проекта УПК.

8. Признавая правильной линию НКЮ в передаче ряда дел о серьезных бытовых преступлениях в подсудность народного суда до рассмотрения проекта УПК (ст. 136 УК и другие), способствующую повышению авторитета народного суда, Съезд вместе с тем считает необходимым уделять больше внимания нуждам народного суда, как основной судебной единицы в части: а) ускорения окончательной разгрузки от мелких дел путем передачи их в примирительные комиссии и товарищеские суды, б) перевода их на губернский бюджет в целях устранения материальной зависимости от низовых советов (виков и уиков) и установления в законодательном порядке повышенного минимума заработной платы народному судье.

9. Имея в виду, что отсутствие положения об обязательности существования административно-правовых секций подрывает лозунг „оживление советов“ и вовлечения в практическую работу членов совета, признавать необходимым, чтобы это положение требовало обязательной организации этих секций при всех горсоветах.

Вместе с тем признавать крайне необходимым вовлечение в практическую работу ныне организованных секций всех работников суда, прокуратуры и следствия.

10. Имея в виду, что существование особого „земельного суда“ (земкомиссий) сейчас не вызывает никакой необходимости, что существование множества судебных единиц, разрешающих (разные) споры (нарсуд—земкомиссия) затрудняет защиту прав населению, Съезд решительно высказывается за передачу земельных споров в подсудность народного суда, оставив в земельных органах лишь землеустроительные дела.

11. Отмечая отсутствие надлежащего руководства со стороны Агитпроббюро при НКЮ низовыми ячейками по пропаганде права, признавать необходимым организовать это руководство и вместе с тем добиться, чтобы бюро по пропаганде права являлось органом, ведущим пропаганду среди населения по всем правовым вопросам (гражданское, уголовное, финансовое, трудовое, административное и проч.) и органом, ведущим работу по поднятию правовых знаний среди актива суда и прокуратуры (народные заседатели и общественные обвинители).

12. Отмечая не вполне удовлетворительную постановку периодической печати („ЕСЮ“ и „Крестьянский Юрист“), выражающуюся в недостаточном освещении практического руководящего материала по вопросам уголовно-судебной политики, по гражданскому праву и особенно по трудовому праву, почти полное несочетание работы мест и их опыта по организационным и другим вопросам, в виду чего просить НКЮ принять меры к тому, чтобы периодическая юридическая печать была поставлена так, чтобы она являлась помощником, учителем и руководителем в практической работе низового работника.

13. Существующая сейчас односторонняя практика информации по прокурорской линии не может освещать всесторонне работу и опыт органов юстиции и большие места в жизни губернии, поэтому нужно установить единство информации.

14. Установленные сейчас отчетность и статистика являются сложными и не могут освещать полностью работы аппарата и классовой линии в уголовном и гражданском процессе, в виду этого, просить НКЮ упростить и сократить эту отчетность.

15. Признавая, что в личном составе работников юстиции недостаточна рабочая прослойка, нет резерва работников, недостаточна подготовка работников областными юридическими курсами без достаточного практического уклона, мала сеть юридических курсов,—считать необходимым, чтобы НКЮ взял курс на усиление рабочей прослойки в органах юстиции, создание резерва работников, улучшение качества работы юридических курсов и удлинение сроков учебы на этих курсах и на увеличение сети курсов, в частности—организовав областные юридические курсы в городе Брянске, как промышленном центре.

Систематический указатель юридической литературы за август—сентябрь 1928 г.

I.

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ПРАВА.

- С. А. Пригов. Революционная законность в резолюциях июльского пленума ЦК ВКП(б) и в постановлениях ЦК КП(б)У. („Вестник Сов. Юст.“ № 17).
Программа занятий для кружка женщин-нарсудейниц. („Рабочий Суд“ № 16).
В. Синицын. Частное и публичное право. („Вестник Сов. Юст.“ № 17).

II.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ, АДМИНИСТРАТИВНОЕ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО.

- В. Власов. Закон об обязательной военной службе и административные органы („Административный Вестник“ № 9).
А. Г. Гойхбарг. Международное право. Юрид. Из-во Наркомюста РСФСР М. 1928. 184 стр. Ц. 2 р. 80 к.
В. Голубев. Юридические последствия сигнала (S. O. S.) (Экспедиция Нобиле). („Рабочий Суд“ № 16).
В. Голубев. Международный сигнал (S. O. S.) в связи с результатами похода на север советских ледоколов. („Вестн. Сов. Юст.“ № 18).
В. Н. Дябло. О порядке отмены неконституционных актов наркоматов и других центральных органов Союза ССР. („Вестн. Верховного Суда СССР и Прокуратуры Верховного Суда СССР“ № 3).
В. Н. Дябло. Территория Союза ССР и союзных республик. („Советское Право“ № 5).
З. П. Подготовка к предстоящим выборам в Советы. („Советское Строительство“ № 8).
Б. Загорье. Нужна ли нам судебная охрана конституции. („Вестн. Сов. Юст.“ № 17).
П. Зайцев. Опыты упразднения наркомвнуделов. („Советское Строительство“ № 8).
В. Лахтин. Права Союза ССР в арктике („Рабочий Суд“ № 15).
А. Маранц. Ст. 72 Административного Кодекса и постановление ВУЦИК и СНК УССР от 27 июля 1927 г. („Вестн. Сов. Юст.“ № 17).
Пирогов. Сельские исполнители. (К проекту новой инструкции). („Административный Вестник“ № 8).
Ян Полуян. К предстоящим перевыборам советов по РСФСР. („Советское Строительство“ № 8).
Н. Сперанская. Об административном договоре. („Вестн. Верховного Суда СССР и прокуратуры Верховного Суда СССР“ № 3).
М. Суходров. К итогам конкурса на лучшую секцию советов. („Административный Вестник“ № 9).
С. Чугунов. Предварительные итоги смотра секций советов. („Советское Строительство“ № 8).

III.

ТРУДОВОЕ ПРАВО.

- П. Авдеев. Дефекты конфликтной практики и меры к их устранению. („Вопросы Труда“ № 9).
Н. Варшавский. Исковая давность по трудовым делам. („Вопросы Труда“ № 7—8).
С. Голубовский. О подсудности трудовых исков. („Рабочий Суд“ № 17).
Я. Донде. Восстановление в должности лиц, уволенных по собственному желанию. („Рабочий Суд“ № 15).
А. Енохина. Понятие „непригодности к работе“. („Вопросы Труда“ № 9).
А. Жан. Некоторые вопросы „предварительного“ испытания. („Вопросы Труда“ № 9).
А. Жан. О праве освобожденных членов фабзавкомов на гарантии. Ст. 64 КЗоТ. („Вопросы Труда“ № 7—8).
Ю. Жанин. Новый испанский трудовой кодекс. („Рабочий Суд“ № 17).
Е. Капман. Новое в пенсионном законодательстве. („Вопросы Труда“ № 9).
Л. Илимova. Еще об усиленных выходных пособиях. („Рабочий Суд“ № 17).
Я. Ниселев. Срочные трудовые договоры и сфера их применения. („Вопросы Труда“ № 7—8).
Е. Нойре. О выдаче пособий и пенсий, оставшихся недополученными к моменту смерти застрахованного. („Вопросы Труда“ № 9).

- Н. Лейн. Некоторые спорные моменты и неясности трудового законодательства. („Вопросы Труда“ № 7—8).
А. Либерман. Наследование страховых пособий. („Вопросы Труда“ № 9).
А. Либерман. О вознаграждении домработницы за сверхурочные работы. („Вопросы Труда“ № 7—8).
М. Минц. О некоторых недочетах в деле пенсионирования. („Вопросы Труда“ № 7—8).
Л. Поволоцкий. Материальная ответственность торговых служащих государственных и кооперативных предприятий. („Вопросы Труда“ № 7—8).
С. Рабинович-Захарин. О работниках с ненормированным рабочим временем. („Вопросы Труда“ № 7—8).
С. Сигрист. Советские рабочие за границей и их правовая охрана. („Рабочий Суд“ № 17).
С. Тарасов. Борьба с протекционизмом при найме рабочей силы. („Вопросы Труда“ № 7—8).
Э. Шахновский. Некоторые итоги проведения законодательства о труде в сельском хозяйстве. („Вопросы Труда“ № 7—8).
Д. Шнеер. О связи инспекции труда с рабочими массами. („Вопросы Труда“ № 7—8).
Л. Эвард. Трудовые конфликты в примкамерах и третейских судах СССР за 1926-27 г. (Вопросы Труда“ № 7—8).

IV.

ЗЕМЕЛЬНОЕ ПРАВО.

- И. Вильковский. О праве члена крестьянского двора на иск в случае нарушения интересов двора („Вестн. Сов. Юст.“ № 18).
Д. Г. Сокращайте волокиту по судбно-земельным спорам. („Сельско-Хозяйственная Жизнь“ № 36).
Г. Дронин. Классовый подход при разрешении земельно-судебных дел. („Сельско-Хозяйственная Жизнь“ № 33).
Г. Дронин. О купле-продаже земли в Брянской губернии. (К итогам состоявшегося судебного процесса). („Сельско-Хозяйственная Жизнь“ № 37—38).
П. Дубовкин. К организации выселков. („Сельско-Хозяйственная Жизнь“ № 34—35).
Н. Мокиенко. Вопросы расселения в автономных областях Северо-Кавказского края. („Сельско-Хозяйственная Жизнь“ № 34—35).
В. Немыцкий. К вопросу о нормах недробимости двора. („Сельско-Хозяйственная Жизнь“ № 33).
А. Рнаницы. Погрешности в землеустроительных проектах должны быть своевременно устранены. („Сельско-Хозяйственная Жизнь“ № 33).
И. Степанищев. О регулировании общинного землепользования. („Сельско-Хозяйственная Жизнь“ № 37—38).
Б. Н. Тумский. О снятии земельных наделов с отсутствующих. („Сельско-Хозяйственная Жизнь“ № 33).
Н. Угнвиный. Записи актов гражданского состояния и подворные списки. („Вестн. Сов. Юст.“ № 19).
А. Хазанов. О праве на землепользование членов земельного общества. („Сельско-Хозяйственная Жизнь“ № 34—35).
М. Цыбульский. Некоторые неточности в инструкции о порядке рассмотрения земельных дел сельсоветами. („Вестн. Сов. Юст.“ № 19).
В. Янушевич. О порядке рассмотрения земельных споров. („Вестн. Сов. Юст.“ № 19).
В. Янушевич. Завещание в крестьянском дворе. („Вестн. Сов. Юст.“ № 17).
Яштольд-Говорно. Об увеличении площади земель совхозов („Сельско-Хозяйственная Жизнь“ № 34—35).

V.

СУДОУСТРОЙСТВО.

- А. Н. Винокуров. О Верховном Суде Союза ССР. („Вестн. Верх. Суда СССР и Прокуратуры Верховного Суда СССР“ № 3).
В. Звенов. О подготовке нарсудов к судебной работе. („Рабочий Суд“ № 15).
Р. Нарасин. Реорганизация структуры НКЮ. („Вестн. Сов. Юст.“ № 19).
Н. Лаговьер. Перед новыми задачами. („Вестн. Верховного Суда СССР и Прокуратуры Верховного Суда СССР“ № 3).
Н. Лаговьер. Институт общественных обвинителей в 1927 году. („Рабочий Суд“ № 15).
В. Радус-Зенькович. Арбитражные комиссии и система общего суда. („Вестн. Сов. Юст.“ № 17).

¹ Статья посвящена вопросу о новых задачах и методах работы прокуратуры.

- В. Радус-Зенькович. Судебная система и прокуратура (система построения, работы, руководства — по материалам НКРКИ СССР). („Вестн. Сов. Юст.“ № 18).
Г. Смолицкий. Деятельность Верховного Суда СССР за 1927 год. („Рабочий Суд“ № 15).

VI.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО, ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС, БРАЧНОЕ, СЕМЕЙНОЕ И ОПЕКУНСКОЕ ПРАВО.

- Алякринский. О брачном возрасте и досрочном браке. („Административный Вестник“ № 8).
В. Беренштам. Новый закон об опеке и попечительстве. („Рабочий Суд“ № 18).
С. Глинин. Об отзыве на заочные решения в гражданском процессе. („Рабочий Суд“ № 16).
С. Гликин. Новые документы в кассинстанции. („Рабочий Суд“ № 17).
С. Голубовский. Возмещение материального ущерба, причиненного трудовым увечьем. („Рабочий Суд“ № 16).
Ю. Жанин. Китайское брачное право. („Рабочий Суд“ № 15).
Ю. Жанин. Датский гражданский процессуальный кодекс. („Рабочий Суд“ № 18).
В. Звенов. Организации ВКП(б) и ВЛКСМ, как юридические лица. („Рабочий Суд“ № 16).
В. Звенов. Два вопроса по ст. 10 Код. Зак. о браке, семье и опеке. („Рабочий Суд“ № 15).
А. Зеленецкий. Значение нотариального реестра запрещений. („Рабочий Суд“ № 17).
Н. Карадже-Искров. Публично-правовая давность в решениях арбитражных комиссий. („Вестн. Сов. Юст.“ № 19).
А. Кусиков. Право возбуждения дела о несостоятельности и порядок производства дела. („Вестн. Сов. Юст.“ № 18).
В. Н-в. О применении ст. 156 и п. „д“ ст. 171 Гражданского Кодекса. („Рабочий Суд“ № 15).
Ю. Н-ский. Об усыновлении приемков. („Вестн. Сов. Юст.“ № 17).
С. Н. Ландюф. Новейшее иностранное акционерное законодательство. („Советское право“ № 5).
С. Н. Ландюф. Украинский закон о товариществах с ограниченной ответственностью. („Вестн. Сов. Юст.“ № 19).
А. Либерман. О применении ст. 46 Гражд. Проц. Кодекса (о расходах по экспертизе в гражданском процессе). („Вестн. Сов. Юст.“ № 18).
Е. А. Миронин. Нужно ли исполнение судебных решений передавать милиции. („Административный Вестник“ № 8).
Ф. Михайлов. 111 ст. ГПК нужно изменить. („Рабочий Суд“ № 17).
Овсянников. Несколько слов о работе ЗАГС. („Административный Вестник“ № 9).
А. Петров. К вопросу об упрощении гражданского процесса. („Вестн. Сов. Юст.“ № 19).
А. Петров. Как разбираться в свидетельских показаниях по гражданским делам. („Рабочий Суд“ № 16).
Проф. М. Я. Пергамент. Несколько слов о китайском частном праве. („Рабочий Суд“ № 17).
Л. Певлоцкий. Ответственность третьего лица в случае незнания судебному исполнителю сумм, признанных в отзыве. („Рабочий Суд“ № 16).
Проф. Б. Полов. Единоженство или многоженство. („Вестн. Сов. Юст.“ № 18).
Т. Полова. Практические ответы на статьи местных работников ЗАГС. („Административный Вестник“ № 9).
С. И. Раевич. Проблема развода в эпоху Великой Французской революции. („Советское Право“ № 5).
С. И. Раевич. Гражданское законодательство польского завоевания в „Восточных Крессах“. („Советское Право“ № 5).
В. Самсонов. Юридическая или фактическая ответственность соарендаторов. („Рабочий Суд“ № 18).
Проф. И. Хмельницкий. О жилищных примирительно-конфликтных комиссиях. („Вестн. Сов. Юст.“ № 19).
М. Шафир. Начало течения исковой давности. („Рабочий Суд“ № 18).

VII.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО, УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ НАУКА И СУДЕБНАЯ МЕДИЦИНА.

- Б. С. Утевский. Преступления и преступники в Западной Европе. (Изд-во Наркомвнудела РСФСР. М. 1928. 150 стр. Ц. 1 р. 60 к.).
П. Г. Алимов. Новое в проекте Угол.-Проц. Кодекса. („Рабочий Суд“ № 15 и 16).
П. Байрон. О совокупности приговоров. („Рабочий Суд“ № 18).
Г. Беляков. Несколько замечаний к седьмой главе проекта УПК. („Рабочий Суд“ № 18).
И. Я. Бычков. Зубоврачевание в помощь правосудию (Судебная одонтология). („Административный Вестник“ № 8).
Б. Ю. Итоги и перспективы учебно-воспитательной работы в местах заключения РСФСР. („Административный Вестник“ № 9).
А. Васильков. Оставление в опасности или убийство. („Вестн. Сов. Юст.“ № 18).
Ф. Вереницын. Судебная борьба с хулиганством. („Рабочий Суд“ № 17).
М. Виноградский. Обжалование подсудимыми оправдательного приговора. („Вестн. Сов. Юст.“ № 17).
Д-р Р. Гейндль. Распознавание поддельных документов. („Административный Вестник“ № 9).
Проф. М. М. Гродзинский. Законодательная техника и Уголовный Кодекс. („Вестн. Сов. Юст.“ № 19).
А. Денисьев. На борьбу с самовольными порубками леса. („Сельско-Хозяйственная Жизнь“ № 34—35).
Ю. Жанин. Швейцарское уголовное и пенитенциарное право. („Рабочий Суд“ № 16).
Вл. Костенко. Статья № 321 Угол.-Проц. Кодекса. („Вестн. Сов. Юст.“ № 18).
Кренин. Методика борьбы с преступностью. (Международные или „гастролирующие воры“). („Административный Вестник“ № 8).
О. Лейнин. К вопросу о культурно-правовой работе в местах заключения. („Административный Вестник“ № 8).
Проф. П. И. Люблинский. Забота о семье заключенного. („Вестн. Сов. Юст.“ № 18).
М. Убийство по неосторожности в армии. („Вест. Верховного Суда СССР и Прокуратуры Верховного Суда СССР“ № 3).
Д-р Мацгер и д-р Френцль. Изобличение подделки одного документа. („Административный Вестник“ № 8).
И. Николов. Как бороться с угрозой. („Рабочий Суд“ № 17).
Овсянников. Об обысках и выемках, производимых сельсоветами. („Административный Вестник“ № 8).
Очередные задачи карательной политики — передовая из № 8 „Административного Вестника“.
Г. Пассевин. О применении ст.ст. 82 УК и 74 АДК. („Вестн. Сов. Юст.“ № 17).
Г. Пассевин. К вопросу о судебной волоките и упрощении процесса. („Вестн. Сов. Юст.“ № 18).
А. А. Пионтковский. Проект фашистского уголовного кодекса. („Советское Право“ № 5).
Е. Пржевальский. Тяжкое телесное повреждение. („Вестн. Сов. Юст.“ № 18).
С. Рачковский. Меры социальной защиты против правонарушителей по мотиву ревности. („Рабочий Суд“ № 18).
Н. Седлис. Изнасилование путем вступления в брак. („Вестн. Сов. Юст.“ № 17).
И. Семна. Лесные нарушения и ст. 33 Угол. Кодекса. („Вестн. Сов. Юст.“ № 18).
М. Степанов. К выдаче справок о судимости. („Административный Вестник“ № 8).
М. С. Строгович. Новый проект Уголовно-Процессуального Кодекса. („Рабочий Суд“ № 17).
Д-р Тимм. К вопросу о микрохимическом анализе следов, обнаруживаемых на месте совершения преступления. („Административный Вестник“ № 8).
Б. С. Утевский. Бюджет преступности. („Административный Вестник“ № 8).
А. Фельдман. Ст. 82 Угол. Кодекса и судебный приказ. („Вестн. Сов. Юст.“ № 17).
В. Якубсон. Исправительно-трудовой режим и досрочное освобождение. („Административный Вестник“ № 8).

В. А. С.

ОФИЦИАЛЬНАЯ ЧАСТЬ.

Разъяснения Пленума Верховного Суда РСФСР: прот. №№ 19, 1, 2.—Циркуляр НКЮ № 158.—Постановление НКФ № 140.

Разъяснения Пленума Верховного Суда РСФСР.

Из протокола № 19 заседания Пленума Верховного Суда от 19 ноября 1928 г.

139 (п. 1). О разъяснении применения ст. 177 УК.

Разъяснить, что уголовной ответственности по ст. 177 УК подлежат лишь те случаи нарушения авторского права, которые примерно перечислены в постановлении Пленума Верховного Суда от 21 ноября 1927 года (протокол № 20, п. 19 „С. П.“ № 23, 1927 г.), т. е. которые заключаются в умышленном видоизменении чужого произведения, злостном извращении или злостном использовании чужого произведения. Все остальные случаи нарушения авторских прав, т. е. извлечение прибыли из чужого произведения без разрешения автора, при отсутствии обмана и других уголовных моментов, подлежат рассмотрению в гражданском порядке.

Из протокола № 1 заседания Пленума Верховного Суда от 3 декабря 1928 г.

140 (п. 1). О мерах репрессии за избиение и издевательство над женой.

Протест председателя Верховного Суда на определение УКК Верховного Суда от 10 ноября 1928 года по делу Нижегородского губсуда по обв. гр. Кузоваткина в нанесении побоев и изнасилования (2 ч. 146 и 1 ч. 153 ст. ст. УК).

Обстоятельства дела:

Приговором от 18 октября 1928 года Нижегородский губсуд установил, что гр-н Кузоваткин в течение 2-3 лет всячески издевался над своей женой: систематически избивал ее и в последнее время заставлял ее под угрозой побоев иметь с ним половые сношения в извращенных формах, и приговорил Кузоваткина по 2 ч. 146 ст. и 1 ч. 153 ст. УК к лишению свободы сроком на три года. Этот приговор был обжалован осужденным в УКК Верховного Суда. При рассмотрении дела явилась жена осужденного и просила, в виду ее полной необеспеченности, освободить мужа от меры социальной защиты, ссылаясь на то, что гр-н Кузоваткин раскаялся.

УКК Верховного Суда приговор оставила в силе, но сократила срок лишения свободы до одного года, и по постановлению ВЦИК'а и СНК от 26 марта 1928 г. заменила лишение свободы принудительными работами на тот же срок. В мотивах этого определения указывается, что, хотя преступление, совершенное Кузоваткиным, является гнусным и требующим суровых мер социальной защиты, но, исходя из просьбы потерпевшей—жены осужденного—и безвыходного ее материального положения, УКК находит возможным снизить в указанном выше смысле меру социальной защиты.

Это определение УКК было опротестовано председателем Верховного Суда, тем более, что материалами дела установлено, что Кузоваткин до этого уже привлекался к суду за избиение жены и что данные им неоднократно обещания не выполнялись.

Постановили:

Считая, что мотивы определения УКК Верховного Суда недостаточны для замены лишения свободы в отношении Кузоваткина принудительными работами, ибо тяжелое материальное положение потерпевшей жены осужденного—могло служить лишь основанием к возбуждению вопроса перед соответствующими общественными организациями об оказании ей содействия в получении работы и не могло служить поводом к освобождению от лишения свободы лица, систематически совершавшего социально-опасные действия, граничащие с полным порабощением жены, отменить определение УКК Верховного Суда от 10 ноября 1928 г. и дело передать на новое рассмотрение УКК Верховного Суда того же или иного состава.

141 (п. 4). Об ответственности обоих супругов за долги финорганам.

(Предложение Президиума Верховного Суда по делу Самарского губсуда, по иску гр-ки Чаковской к гр-ну Чаковскому и Самарскому губфинотделу об исключении из описи имущества на сумму 2,469 р. 25 к.).

Обстоятельства дела:

При взыскании с гр-на Чаковского задолженности финорганам, образовавшейся в связи с расторжением дого-

вора на аренду бань, судебный исполнитель описал в квартире Чаковского домашнюю обстановку.

Жена Чаковского предъявила иск об исключении из описи описанного имущества в виду того, что имущество это принадлежало ей до брака ее с гр-ном Чаковским и составляет ее „приданое“.

Самарский губсуд установил, что, хотя спорное имущество и внесено в общую семью гр-кой Чаковской, но вследствие длительного проживания истицы на иждивении мужа это имущество стало общим всей семьи,—в иске отказал, считая, что долги, образовавшиеся от аренды бань, являются общими долгами семьи.

Это решение было, однако, отменено определением ГКК Верховного Суда, которая предложила суду исследовать, был ли заключен договор на аренду бань в интересах всей семьи Чаковских и поступали ли доходы от аренды бань в общее хозяйство семьи.

При новом рассмотрении дела губсуд установил, что еще в 1926 году, т. е. за два года до возникновения спора по настоящему делу, между супругами Чаковскими состоялся раздел имущества по решению третейского суда, и что хотя этот раздел фактически не был осуществлен, и супруги Чаковские продолжали проживать вместе, но, поскольку аренда бань производилась гр-ном Чаковским не в интересах всей семьи (ибо аренда была убыточна), а по „традиции“ в интересах отца Чаковского—бывшего собственника бань,—имущество жены Чаковского, принадлежавшее ей до замужества и переданное ей в собственности решением третейского суда, не отвечает за долги, образовавшиеся от аренды ее мужем бань.

По этим соображениям губернский суд иск Чаковской удовлетворил.

Это решение было утверждено Гражданской Кассационной Верховного Суда.

По протесту прокурора дело было внесено в Пленум Верховного Суда.

Пленум Верховного Суда, согласившись с протестом, вынес следующее постановление:

„Рассмотрев дело, Пленум Верховного Суда находит: определение ГКК Верховного Суда от 19 мая 1928 г. и вынесенное по директивам этого определения решение Самарского губсуда от 17 июля 1928 г. содержат в себе ряд неправильных указаний, противоречащих неоднократно директивам Верховного Суда о том, что имущество супругов, проживающих вместе и ведущих общее хозяйство, отвечает за задолженность одного из супругов финотделу по нетрудовым источникам дохода, с тем, что взаимные расчеты между супругами, если по их взаимоотношениям один из супругов может доказать свои особые права на это имущество, подлежат разрешению особо, в частности, путем регресса. В данном случае финорганы взыскивают с гр-на Чаковского долги, образовавшиеся в связи с арендой бань, причем, если даже признать, что арендный договор оказался убыточным для арендатора, то этот факт не дает оснований считать, что договор был заключен арендатором не для извлечения прибыли, а по „традиции“, как это указывает суд. При этих условиях гр-ка Чаковская—жена арендатора бань, живущая с ним вместе и ведущая с ним общее хозяйство,—отвечает за долги своего мужа, ибо третейское решение о разделе имущества супругов Чаковских, особенно если иметь в виду, что этот раздел является „умственным“, а не фактическим разделом, для финорганов и вообще госучреждений, как третьих лиц, никакого значения не может иметь, поскольку третейское разбирательство состоялось без их участия и ведома, а претензии государственных органов подлежат преимущественному удовлетворению. Это решение может служить лишь основанием для предъявления Чаковской регрессного иска к своему мужу, для которого это решение обязательно, но не в отношении финоргана.“

В виду этого Пленум Верховного Суда постановляет: отменить оба определения ГКК Верховного Суда по настоящему делу и дело передать на окончательное разрешение ГКК Верховного Суда.

142 (п. 5). О порядке сообщения в Верховный Суд о приговорах с высшей мерой социальной защиты по делам, рассмотренным окружными судами районированных областей.

В связи с передачей кассационных функций крайним и областным судам, окружные суды при вынесении приговора к высшей мере социальной защиты посылают телеграфные до-

несения в Верховный Суд и в копии в соответствующий краевой (областной) суд, но только по истечении кассационного срока и лишь в случаях неподачи кассационной жалобы осужденными или непропуска таковой (ст. ст. 405—408 УПК).

Приговор, согласно ст. 442 УПК, может быть приведен в исполнение только в том случае, если в течение 72 часов с момента вручения Верховному Суду посланного ему телеграфного сообщения не последует распоряжения от Верховного Суда или Президиума ВЦИК о приостановке приговора.

143 (п. 6). О невалидации сбыта и хранения с целью сбыта спиртных напитков и спиртосодержащих веществ.

Разъяснить, что по ст. 101 УК надлежит квалифицировать сбыт или хранение с целью сбыта спиртных напитков и спиртосодержащих веществ, приготовленных без надлежащего разрешения или свыше установленной законом крепости. Сбыт же или хранение с целью сбыта тех же напитков и веществ, легально приготовленных, но с нарушением акцизных правил или правил об особом патентном сборе, должен квалифицироваться по ст. 100 УК и влечь за собой преследование в административном или уголовном порядке по правилам этой статьи Уголовного Кодекса. В частности, так называемое „шинкарство“, т. е. продажа спиртных напитков, хотя и оплаченных акцизом, но по повышенным ценам или без надлежащего разрешения, — влечет за собой ответственность в административном порядке, согласно постановлению ЦИК и СНК от 23 октября 1925 г. и последующих к нему изменений („С. З.“ 1928 г., № 19, ст. 158). „Шинкарство“ может рассматриваться в уголовном порядке лишь в особо злостных случаях или в случаях, когда административные органы признали недостаточным административное взыскание и передали дело в суд.

Из протокола № 2 заседания Пленума Верховного Суда от 17 декабря 1928 г.

144 (п. 1). О порядке извещения сторон о дне слушания дела в кассационной инстанции краевых и областных судов.

Разъяснить, что при рассмотрении дел окружных судов в кассационных коллегиях краевых и областных судов районированных областей порядок вызова сторон должен быть установлен этими судами применительно к циркуляру НКЮ № 101—1927 года, при чем при составлении календарного плана краевые и областные суды должны полностью учесть местные особенности и условия для создания наибольшей гарантии бесперебойного выполнения плана.

145 (п. 2). О случаях освобождения организацией с.-х. кредитной кооперации от судебных пошлин.

В соответствии с разъяснением Пленума Верховсуда от 13 августа 1928 года, признать, что организации с.-х. кредитной кооперации освобождаются от уплаты судебных пошлин лишь по искам, вытекающим из кредитных операций. По всем остальным делам организации с.-х. кредитной кооперации от судебных пошлин не освобождаются.

146 (п. 3). О неприменении амнистии к 10-й годовщине Октябрьской Революции и обвиняемым в уклонении от платежей налогов с применением обмана (2 ч. 169 ст. УК).

В судебной практике возникает вопрос об обязательности применения амнистии в отношении лиц, обвиняемых по 2 ч. 169 ст. УК за уклонение от платежей налогов путем обманных действий.

Верхсуд, исходя из того, что актом об амнистии налог не слагается, разъясняет:

1. В случаях, если обманные действия, совершенные налогоплательщиком в целях уклонения от платежа налога, продолжались и после издания акта об амнистии, то амнистия вовсе не применяется.

2. Если же обманные действия имели место до амнистии, но налог в полном объеме не был внесен и после амнистии, то в отношении обвинения по 2 ч. 169 ст. УК, т. е. в мошенничестве, амнистия применяется на общих основаниях, но в виду того, что уклонение от платежа налогов является самостоятельным преступлением (60 ст. УК) даже при отсутствии признаков других преступлений, то в этой части, т. е. в отношении обвинения в уклонении от платежа налогов, продолжавшемся и после издания амнистии, амнистия не применяется.

147 (п. 5). О невалидации убийства финработников в связи с их служебной деятельностью.

(Протест председателевавшего в УКК Верхсуда по делу Средне-Волжского Облсуда по обвинению гр. Ермолаева-Захарова на определение УКК Верхсуда от 17 ноября 1928 г. и протест Пом. Прокурора Республики при Верхсуде по тому же делу).

Обстоятельства дела:

Гр-н Ермолаев-Захаров до 1924 г. вел торговлю мясом по патенту 3-го разряда. В 1924 г. он перевел эту торговлю на имя своей жены, а сам занялся скупкой мяса и на почве беспатентной торговли подвергся неоднократно взысканиям со стороны финработников Соловьева и Лепешкина. 5 июля 1928 года Ермолаев-Захаров, встретив на ярмарке в столовой финагента Лепешкина и пом. фининспектора Майорова, набросился на последних и пытался нанести им удары имевшимся у него ножом. Лишь благодаря вмешательству хозяина столовой Ермолаева-Захарова удалось вывести из столовой. После этого он еще два раза пытался нанести удар ножом указанным финработникам, которым с трудом удалось спастись. Суд квалифицировал это преступление по 58^а ст. УК и определил обвиняемому меру социальной защиты в 10 лет лишения свободы с поражением в правах на 5 лет и с конфискацией имущества.

УКК Верхсуда переквалифицировал это преступление по 1 ч. 73 ст. УК и снизила меру социальной защиты до 5 лет лишения свободы.

По протесту прокуратуры дело было внесено в Пленум Верхсуда, при чем в протесте указывалось, что в деяниях осужденного нельзя усмотреть сопротивления власти. Эти деяния должны квалифицироваться либо как покушение на террористический акт против представителей власти, как это делал суд, либо, если даже отвергнуть контр-революционный характер этого преступления, то оно подлежало квалификации по 19 и 136 ст. ст. УК, как покушение на убийство.

Постановили:

По данному делу установлено, что гр-н Ермолаев-Захаров — торговец по 3 разряду, — подвергавшийся со стороны финработников взысканию за неплатеж налогов, набросился на этих работников и пытался нанести им удары имевшимся у него ножом и лишь благодаря вмешательству других лиц финработникам удалось спастись.

Эти действия правильно квалифицированы судом по 58^а ст. УК, как покушение на террористический акт против представителей власти, и переквалификация этих действий по 1 ч. 73 ст. УК является неправильной.

Поэтому Пленум Верхсуда, соглашаясь с протестами, постановляет: отменить определение УКК Верхсуда от 17 ноября 1928 г. и дело передать на новое рассмотрение УКК Верхсуда.

148 (п. 7). О разъяснении случаев неприменения амнистии к 10-й годовщине Октябрьской Революции по делам о растратах.

(Протест Пом. Прокурора Республики при Верхсуде на определение УКК Верхсуда от 23 ноября 1928 г. по делу Бийского Оксуда по обвинению гр-н Зайончковского и др. по 1 ч. 116 ст. УК).

Обстоятельства дела:

Зайончковский и Чучин обвинялись в том, что, состоя первый — уполномоченным Представительства Центральных Издательств в г. Бийске, а второй — его заместителем, они растратили 5.118 руб., при чем было установлено, что ими было взято от разных лиц и учреждений много заказов, которые ими не выполнялись, а полученные деньги присвоили себе.

Бийский окружной суд, рассмотрев дело, квалифицировал это преступление по 1 ч. 116 ст. УК и определил им меру социальной защиты в три года лишения свободы каждому без применения амнистии к 10-й годовщине Октябрьской Революции в виду злостности растраты.

УКК Верхсуда этот приговор оставила в силе, но в силу амнистии к 10-й годовщине Октябрьской Революции сократила срок лишения свободы этим осужденным наполовину.

По протесту прокуратуры дело было внесено в Пленум Верхсуда, который вынес общее разъяснение по этому вопросу.

„Принимая во внимание, что амнистия к 10-й годовщине Октябрьской Революции не применяется к злостным растратам; что вопрос о злостности или незлостности растраты не

может определяться только по формальному признаку, подходит ли эта растрата под признаки 1 или 2 части 116 ст. УК и что этот вопрос подлежит разрешению суда по каждому конкретному делу, в зависимости от его обстоятельств, в частности, от суммы, способа, последствий растраты, совершена ли она в силу крайней нужды или нет и т. п.; что по данному делу растрата совершалась систематически путем подлогов с обманом большого количества трудящихся, почему у суда имелись основания признать растрату злостной и отказать в применении амнистии, — Пленум Верховного Суда постановляет: исключить из определения УКС Верховного Суда от 22 ноября 1928 г. часть, касающуюся применения к осужденным по данному делу амнистии⁴.

149 (п. 8). О применении закона об авторском праве.

(Предложение Президиума Верховного Суда по делу Мосгубсуда, по иску гр-на Явне к издательству „Земля и Фабрика“ об авторском гонораре).

Обстоятельства дела:

По договору от 2 февраля 1926 г. издательство „Земля и Фабрика“ имело право издавать переводное произведение гр-на Явне в пределах 10.000 экземпляров отдельными частями, 4.000 экземпляров этой книги были выпущены издательством в 1926 г. под наименованием „На берегах Гудзона“. В 1928 г. издательство выпустило еще 4.000 экземпляров того же перевода, но под другим наименованием „Ку-Клукс-Клан“. В виду этого гр-н Явне обратился в Московский губсуд с иском о взыскании с издательства гонорара как за второе издание книги, считая, что поскольку дополнительный выпуск книги произведен под другим названием, хотя бы и в переводе, то налицо имеется второе издание, а не доиздание. Губсуд иск гр-на Явне удовлетворил, признав, что выпуском дополнительного издания книги под другим наименованием издательство нарушило авторское право гр-на Явне на перевод книги.

ГКК Верховного Суда утвердила это решение.

По особому мнению члена ГКК, участвовавшего в рассмотрении этого дела в ГКК Верховного Суда, дело поступило к председателю Верховного Суда.

В особом мнении указывалось, что перемена заглавия произведения без согласия переводчика является нарушением „Основ авторского права“. Вследствие этого нарушения суд должен был поставить вопрос о том, имеется ли налицо какой-либо материальный ущерб для автора, но не признавать наличие второго издания. По делу бесспорно установлено, что издательство имело право доиздать книгу в пределах дополнительных 6.000 экз. От перемены названия автор никаких материальных убытков не понес и, следовательно, решение суда является неправильным.

Пленум Верховного Суда, согласившись с особым мнением, вынес следующее постановление:

Принимая во внимание, что, согласно договору, издательство „Земля и Фабрика“ имело право издавать переводное произведение гр-на Явне в пределах 10.000 экземпляров; что поскольку в первом издании было выпущено лишь 4.000 экземпляров, издательство по договору имело право доиздать 6.000 экземпляров без особого разрешения на то переводчика; что перемена издательством названия книжки в переводе при отсутствии какого-либо материального ущерба для переводчика не может служить основанием к тому, чтобы признать в данном случае наличие второго издания, за которое издательство должно платить 50% авторского гонорара, ибо перемена названия при доиздании книги могло бы рассматриваться при соответствующих условиях лишь как общественно-вредное действие, заключающееся в введении в заблуждение покупателей, но это обстоятельство не может создавать каких-либо прав на денежное вознаграждение переводчику при наличии с его стороны согласия, выраженного в договоре, на издание 10.000 экземпляров, — отменить определение ГКК Верховного Суда от 20 ноября 1928 года и дело передать на новое рассмотрение ГКК Верховного Суда.

150 (п. 9). О порядке разрешения исков об отобрании детей.

(Предложение Президиума Верховного Суда по делу по иску Евстигнеева к Трофимову).

Рассмотрев дело, Пленум Верховного Суда находит:

При разрешении исков родителей об отобрании детей от лица, удерживающего детей у себя не на законном основании, суд, на основании ст. 44 Кодекса Законов о браке, семье и

опеке, не связан формальными признаками отцовства и разрешает эти иски, исходя из интересов детей. В данном случае, судя по имеющимся в деле материалам, ответчик Трофимов не является опекуном по назначению органов опеки над ребенком, о котором идет спор, и, поскольку он и не является усыновителем этого ребенка, решение суда об оставлении ребенка на воспитании у Трофимова и об отказе отцу в иске не может рассматриваться, как вынесенное в интересах ребенка, ибо Трофимов при этих условиях никаких законных обязательств в отношении этого ребенка на себя не принял и права ребенка остаются совершенно неоформленными.

Поэтому Пленум Верховного Суда признает определение ГКК Верховного Суда от 16 октября 1928 г. об утверждении указанного решения на суде по этому делу неправильным и постановляет дело передать на новое рассмотрение ГКК Верховного Суда, отменив определение от 16 октября 1928 года.

Циркуляр НКЮ.

Циркуляр № 158

Всем краевым, областным и губерньским прокурорам.
копия: прокурорам автономных республик.

О введении статистической отчетности по надзору за трудовыми делами.

Народный Комиссариат Юстиции предлагает в дополнение к общей статистической отчетности о работе прокуратуры по формам, введенным циркуляром НКЮ № 108—1927 г. (таблицы №№ 1—4), представлять статистические сведения о работе в области надзора за трудовыми делами. Форма отчетности (таблица № 4-а) и инструкция по ее составлению приложены к настоящему циркуляру¹). На отчетность по надзору за трудовыми делами распространяются отчетные периоды и сроки высылки, установленные для общей статистической отчетности прокуратуры. Первые таблицы по форме № 4-а (за 1928 год) надлежит представить в НКЮ одновременно с остальной статистической отчетностью за 2-е полугодие 1928 года. В дальнейшем при высылке таблицы № 4-а соблюдать порядок представления общей отчетности Прокуратуры. Анализ и пояснение статистической отчетности о надзоре за трудовыми делами должны включаться в общую литературную отчетность местных прокуратур отдельной главой.

Прокурор Республики *Н. Крыленко.*

Член коллегии НКЮ *А. Стельмахович.*

27 декабря 1928 г.

Приложение к циркуляру НКЮ
№ 158 от 27 декабря 1928 г.

ИНСТРУКЦИЯ

по составлению статистической таблицы № 4-а (работа органов прокуратуры — надзор по трудовым делам).

1. Число в графе 3 таблицы № 4-а должно равняться сумме чисел в графах 6—11. Число в графе 14 в отдельности должно соответствовать сумме чисел в графах 15—25, сумме чисел в графах 26—33 и сумме чисел в графах 34, 38 и 39.

2. В графе 1 отмечаются доклады о работе прокуратуры по надзору за трудовыми делами и вопросам трудового права перед массовыми собраниями или перед местными руководящими органами, не относящимися к ведомству НКЮ: советскими (исполкомами, горсоветами и т. д.), профессиональными (профсоветами, союзными совещаниями и съездами) и партийными. Доклады по надзору за трудовыми делами, сделанные на совещаниях или съездах по линии НКЮ, в графе 1 учитываться не должны.

3. К постановлениям отделов труда и их органов, указываемым в графе 3, следует относить все вызвавшие протесты прокуратуры постановления органов труда и социального страхования как по конфликтным делам, так и по вопросам общего характера.

4. В графах 4—5 отмечается, сколько протестов прокуратуры принесено на постановления органов труда, относящиеся к решениям конфликтных органов (РКК, примирительных камер и третейских судов и, отдельно, примирительных комиссий при ВИК'ах и РИК'ах).

5. Число протестов, принесенных за отчетный период (гр. 3), может не совпадать с числом протестов, рассмотренных за тот же период соответствующими органами, так как в числе рассмотренных протестов возможны протесты, принесенные в предыдущем полугодии: с другой стороны, часть протестов данного отчетного периода до его конца может остаться нерассмотренной.

¹) Форма разослана на места особым порядком.

6. Жалобами, рассмотренными прокуратурой (гр. 14), следует считать все жалобы, ознакомление с которыми привело прокуратуру к заключению о необходимости принять соответствующие меры в защиту интересов жалобщика (гр. 34), оставить жалобу без последствий как не подтвердившуюся (гр. 38), или передать ее на рассмотрение других органов (гр. 39).

7. В графы 35—37 следует включать жалобы, удовлетворенные прокуратурой в пользу нанявшихся в тех случаях, когда она исходила непосредственно от трудящихся или от профсоюзных органов, действовавших в качестве их представителей. Все жалобы, оставленные без последствий независимо от того, кем они были поданы нанимателем или нанявшимся, отмечаются в гр. 38.

8. В гр. 39 указываются жалобы, переданные данной прокуратурой на распоряжение другого органа прокуратуры (например, из участковой камеры в губернское (окружное) управление или на распоряжение учреждений иных ведомств).

9. В графах 40—42 указываются не самые жалобы, а меры, принятые по ним прокуратурой, т. е. отдельные действия которых может быть несколько по одной и той же жалобе; кроме того в них перечисляются только важнейшие категории этих мер (протесты, уголовные преследования, гражданские иски). Поэтому сумма чисел в указанных графах может не совпадать с числом удовлетворенных жалоб, отмечаемым в гр. 34.

10. Графы 43—47 заполняются данными о работе со всеми видами инспекции труда: общей, сельско-хозяйственной, железнодорожной и водной.

11. В графе 46 отмечаются уголовные преследования, возбужденные прокуратурой, как вследствие поступивших на действия инспекции труда жалоб, так и на основании других полученных прокуратурой сведений.

12. В графах 59—60 и 64—65 указываются результаты протестов прокуратуры по трудовым, уголовным и гражданским делам, которые были рассмотрены в данном отчетном периоде.

В числе этих протестов могут быть и принесенные в предыдущем полугодии. Помимо этого, не все протесты данного периода окажутся рассмотренными к его концу. Поэтому сумма чисел в графах 59—60 может не совпадать с числом принесенных протестов в гр. 56 и сумма чисел в графах 64—65 — с числом принесенных протестов в гр. 61.

Член коллегии НКЮ *Стельмахович*.

Зав. статистическим отделом *Хлебников*.

Постановление НКФ СССР от 30 ноября 1928 г. № 140

о разрешении нотариальным конторам выдавать общие квитанции при взносе гербового сбора по нескольким документам.

На основании ст. 40 Устава о государственном гербовом сборе Народный Комиссариат Финансов постановляет:

Дополнить § 13 Инструкции к Уставу о государственном гербовом сборе, утвержденной Наркомфином Союза ССР 17 октября 1927 г., 2-м примечанием следующего содержания:

„При взносе гербового сбора наличными деньгами в нотариальные конторы по нескольким документам разрешается выдавать одному лицу общую квитанцию, с перечислением в ней оплачиваемых документов. При этом на документах, на оплату которых внесен означенный гербовый сбор, нотариальной конторой должны делаться отметки о сумме уплаченного по ним гербового сбора, с указанием даты и номера квитанции“.

Замнаркомфин СССР *М. Фрумкин*.

Пом. нач. упр. госналогов *Добросмыслов*.

(Изв. НКФ 13/XII—1928 г.

№ 11, стр. 266).